

Десерт для герцога

Автор:

Наталья Шнейдер

Десерт для герцога

Наталья Шнейдер

Кто-то, попав в другой мир, обнаруживает себя принцессой, на худой конец, графиней, а я оказалась дочкой трактирщика. В дополнение к новой жизни мне достались брат и две сестры, отцовские долги, постоянный двор на грани разорения и память прежней обительницы этого тела. Правда, лучше бы я не помнила, чем именно умудрилась разозлить сына герцога. Даже думать не хочется, что он может со мной сделать. И что теперь делать мне?

Наталья Шнейдер

Десерт для герцога

Глава 1

Первое, что я обнаружила, открыв глаза – балдахин.

Самый настоящий балдахин, как в мультиках про принцесс. Темно-вишневый бархат, тяжелый даже на вид, раскинулся на деревянной раме, закрывая потолок.

Какое-то время я тарасилась на него, соображая, кому и зачем понадобилось тащить в заброшенную деревню, служившую ролевикам полигоном, этокое

роскошество. Сама-то по себе кровать, на которой я невесть как оказалась, выглядела меньше стандартной односпальной. Даже мне едва хватит длины, чтобы вытянуться в полный рост. Оно и понятно, кровать-то на полигон точно никто бы не потащил, обошлись, чем есть.

Стоп, а что я здесь делаю? Скромной трактирной хозяйке, которую я должна была изображать, такое ложе вовсе не подходит. Да и не помню, чтобы я на него укладывалась. И почему голова так трещит?

Нет, очевидное объяснение того, как я оказалась в незнакомом помещении, вовсе не годилось. Я не пью. В смысле, иногда выпиваю, но не на работе. Я-то сюда не играть приехала, я вообще цивил, как выражаются ролевики. Просто парень, который должен был кормить всю эту ораву, перед самой игрой загремел в больницу. Ваня, мастер, или как это тут называется, примчался ко мне – а к кому еще ему было мчаться? Образование у меня подходящее, и дружим мы давно, еще с младшей группы садика.

Вспомнив о работе, я резко села – аж голова закружилась. Сколько сейчас времени? Комната казалась полутемной, но из узких окон под самым потолком – не поленились же притащить пластиковые панели под камень! – падал дневной свет. Но если уже белый день на дворе, почему меня никто до сих пор не разбудил? Из полусотни голодных ртов давно бы уже нашелся один, готовый немедля пустить на фарш саму повариху, раз нормальной еды вовремя не дали. Надо бежать, хоть наскоро перекус организовать. Как же я так оплошала?

Я соскочила с кровати. Она оказалась неожиданно высокой – чуть ли не по грудь мне, так что приземление получилось далеко не мягким. Нога подвернулась, и я бухнулась на каменный пол, больно ударившись коленями и руками. Помянув недобрым словом идиота, додумавшегося вымостить пол в избе булыжниками, я вприпрыжку похромала к двери, и, распахнув ее, влетела напрямик в объятия незнакомому парню.

Лет двадцать пять на вид, высоченный, широкоплечий, и когда я уперлась ему в грудь, отталкивая, под ладонями заиграли мышцы. Характерная южная внешность: усы и коротко подстриженная борода, черные как смоль волосы ниже плеч – аж завидно, зачем парню такая копна! – прямой крупный нос. Темные глазищи, от одного взгляда которых я залилась краской и рванулась так отчаянно, что все-таки смогла вывернуться.

Одет парень был по местной, в смысле, игровой моде. Узкие штаны-чулки, не помню, как они правильно называются, короткий приталенный жакет. Только остальные парни на полигоне носили шерсть и лен, а этот облачился в шелка. В самом деле шелка, на ощупь шелк отличается от полиэстера так же отчетливо, как натуральное мясо на вкус невозможно перепутать с соевым. Надо же, не пожалел денег на одноразовый наряд.

Да какое мне дело, в самом деле, до одежек и расходов незнакомого парня!

А вот до него самого – вполне есть. Вопрос чисто практический: раскладку продуктов и меню мы согласовывали с Ваней, в смысле, мастером, и все было рассчитано по головам. Тогда откуда взялся неучтенный игрок? Опоздал к началу? Интересно, много ли таких, опоздавших, и на сколько человек мне в таком случае готовить? Надо найти Ваню и поинтересоваться, почему это он меня не предупредил, что народа прибавится. И уведомить его о перерасходе продуктов, запас-то есть, но чтобы потом ко мне никаких вопросов.

Я шагнула в сторону, пытаюсь обойти незнакомца, но он шустро заступил мне дорогу. Попытка обойти с другой стороны тоже не удалась. Да откуда ж ты взялся на мою голову! Раньше его здесь точно не было: позавчера меня со всеми перезнакомили, и все эти дни в моем трактире никто лишний не появлялся. Попробуй не заметь и не запомни этакого красавца!

Если Ваня его имел в виду, когда уговаривал, дескать, ребята будут – закачаешься, может, и приглядишь кого, то я приятеля приблю. Прекрасно же знает, у меня никого нет не потому, что парнями перебираю, когда работаешь в двух ресторанах по графику, единственное, оно же неосуществимое желание – выспаться. О свиданиях и не мечтаю.

Не мечтаю, я сказала! Ах, под взглядом этих черных глаз сердце зачастило и щеки загорелись? Как загорелись, так и остынут, а сами не остынут – водичкой ледяной на голову, чтобы всякая дурь в нее не лезла. Вокруг такого парня поклонницы наверняка как мошкара вьются, и если он на ролевуху в шелках приезжает, то однозначно может выбрать кого получше девицы с миллионными долгами, оставшимися после родителей.

Смутившись непонятно чего, я опустила глаза и чуть не умерла со стыда, обнаружив, во что превратилось мое платье. Вроде вполне приличное было,

когда Ваня мне его привез. Да, с чужого плеча, но чистое и почти не ношеное. И рубашка с расклешенными рукавами, которую полагалось под него надевать, была белоснежной. И вечером все было в полном порядке. А сейчас... Платье в старых пятнах, как будто я подолом кастрюли чистила прежде, чем надеть. Рубашка приобрела тот желтоватый оттенок, который появляется у изношенных белых вещей. Это когда я успела так усвиначиться?

Я рванула к двери. Срочно переодеться в свое, плевать, что цивильное, хорош повар, который выглядит как грязнуля! Но не успела и пару шагов сделать, как парень ухватил меня за локоть.

- И куда это ты вдруг заторопилась? А как же наш уговор?

- Уговор? - не поняла я. Неудивительно, что не поняла, от этого глубокого бархатного голоса мурашки по коже побежали табунами, а сердце провалилось в низ живота, да там и осталось, растекаясь теплом. Совершенно не к месту подумалось, если бы этот, так и не представившийся, ухлестывал за мной в мой последний год в школе, резинка трусов в то время не казалась бы такой надежной защитой от поползновений. Вот и славно, что тогда был не он.

Хотя нет, у этого бы тоже ничего не выгорело. Хорош, слов нет, но смотрит, как на... словно на заветренный десерт, который испортил все впечатление от роскошного ужина. Вот пусть на других так смотрит, а у меня и без надменных красавчиков забот хватает.

Парень потряс кошельком-мошной.

- Вот деньги. Получишь, когда я удостоверюсь: было за что платить.

- В смысле? - Я попыталась выдернуть руку, но парень держал крепко.

- В прямом. Ложись и задирай юбку.

- Чего?!

Он в своем уме вообще? Нет, может это роль такая, конечно, но попрошу эту роль ко мне не применять! Я сразу оговорила, что ни в какие игры не играю, моя

задача – накормить людей, получить оплату, и все. Если кто-то кого намеревается по кустам повалить, в условно-игровой форме или в реальности, это их проблемы, а мне своих хватает!

– Да за кого ты меня держишь!

– Дай-ка подумать, – ухмыльнулся он. – Наверное, я запомнил, как называют женщин, которые приходят к едва знакомому мужчине с предложением продать невинность.

Что?! Я замотала головой, как будто это могло утрясти взбаламутившиеся мысли. Так. Пошла-ка я отсюда. Не знаю, откуда этот самовлюбленный красавчик выискался и кто ему эту роль дал, но пусть в такие игры с кем-нибудь другим играет. И уж тем более я не намерена проверять, как далеко он намерен зайти – в пределах ли ролевых условностей или...

По спине пробежал мороз. Я снова попыталась выдернуть локоть, но парень рванул на себя, и я пикнуть не успела, как оказалась стиснутой в стальных объятьях.

– А самое смешное, – проговорил он, склонившись к моему лицу так, что дыхание щекотнуло кожу. – Мне предложили купить задорого то, что я легко могу взять даром и буду в своем праве. За кого мне принять такую женщину? Не подскажешь, какое слово лучше подойдет – на «ш» или на «д»?

В этот миг я окончательно лишилась способности соображать. Нет, вовсе не потому, что крепкое мужское тело казалось горячим даже сквозь все слои одежды между нами. И не потому, что от мятного холода его дыхания мои губы словно закололо мельчайшими иголочками.

Потому что на самом деле не «ш» и «д» произнес этот незнакомый парень, а «s» и «f»[1 - . » slattern (устар.) – девушка легкого поведения, fool – дурак (дура)]. И не на русском мы оба объяснялись, только до сих пор я почему-то этого вовсе не замечала. Слова чужого языка, который я так толком в школе и не выучила, ложились на язык, да простится мне этот невольный каламбур, как родные.

Я выдохнула еще пару слов, теперь уже точно по-русски, но красавчик уже меня не слушал. Склонился еще ниже. Твердые, немного шершавые губы впились в

мои. Никто и никогда не целовал меня так – уверенно, жадно и зло, никто и никогда, даром что до сих пор сравнивать было особо не с кем. И пока мой мозг пребывал в оцепенении, отказываясь осмысливать происходящее, рот раскрылся – от изумления, исключительно от изумления! – впуская настойчивый язык, дыхание перехватило, и с дрогнувших губ сорвался стон.

Этот звук и привел в себя. Где бы я там ни оказалась и на каком бы языке ни говорила, это еще не повод целоваться с парнем, которого я впервые увидела пару минут назад! Конечно, скорее всего это сон, а еще вернее – галлюцинации, и пора сдаваться добрым докторам с волшебными укольчиками, но слишком уж реальным все казалось. Я отчетливо ощущала, что стою на каменном полу, пробирающем холодом даже сквозь обувь, волосы жестко и больно стягивает на затылке мужская рука, а вторая ладонь нахально обшаривает мои бедра. Слишком отчетливо для сна.

– Пустите! – дернулась я, отворачивая голову. И снова на миг остолбенела, поняв, что с языка опять слетели слова вовсе не на русском. Английский, причем английский не современный, в современном же, вроде, нет «ты»? Этот красавчик мне «тыкал», а я обращалась к нему на «вы».

Знатно меня накрыло. А, может, мы все-таки говорим на русском? Может, просто это я уверена, слышу и произношу английские слова, точно так же, как соседка выше этажом была уверена, что мы травим ее газом через розетку? Но у нее-то маразм, а двадцать – явно рановато для маразма!

Что-то интересное в еду подсыпали? Тоже вряд ли, девушек на игре хватало, найти компанию можно было и без таких фокусов, а я не такая уж красавица, чтобы добиваться любой ценой.

Так что со мной? Или более правильный вопрос – где я? А то и «в когда»?

Красавчика мое отвернутое лицо вовсе не смутило – снова смял в горсти ягодицу и начал выцеловывать шею, да так умело, что у меня опять перехватило дыхание и ослабли колени.

– Не бойся, я же не грубиян какой, – прошептал он, лаская губами мочку уха, и поддаваясь этой ласке я невольно сильнее прижалась к нему.

Ну да, это, видимо, вежливость такая – именовать девушку, которую намереваешься уложить, не то дурой, не то шлюхой.

– Тебе понравится, правда.

Да мне уже нравится, еще немного и вовсе голову потеряю. Вот только сон там или бред, не собираюсь я первый раз в жизни отдаваться человеку, имени которого не знаю! Каким бы красавчиком он ни был, как бы здорово ни целовался, уж точно я не буду ложиться с мужчиной, который обозвал меня потаскухой!

Если уж мой разум, вконец утомившись работой, решил подкинуть этакой клубнички, так пусть уж расстарается как следует. Шелковые простыни, розовые лепестки, шампанское, парень, от одного взгляда на которого дыхание перехватывает и который тоже от меня без ума. Да, я наслышана, что первый раз обычно бывает неловким и, мягко сказать, неприятным, но, опять же, это мой бред или чей? Раз мой, все должно быть по-моему. А пока из всего подходит только парень, да и то очень условно. «Ложись и задирай юбку» – вовсе не те слова, после которых можно позволить что угодно.

– Да пусти же ты! – Я снова попыталась его отпихнуть. И снова безуспешно – мышцы на груди, в которую я уперлась ладонями, окаменели.

– Я понимаю, что уважающая себя девушка прежде чем сдать, должна поломаться как следует, – его следующий поцелуй больше походил на укус. – Но не находишь, что поздновато изображать уважающую себя девушку после того, как сама пришла с таким предложением?

– Да не могла я до такого додуматься! – возмутилась я.

Нет, конечно, кто не слышал этих городских легенд о том, как пресыщенные богатеи готовы хорошо заплатить за настоящую девственность. Только этот красавчик был прав, когда говорил, что ее можно легко получить и бесплатно. Условно-бесплатно, если начистоту, ухаживания никто не отменял, но уж точно не задорого. Конечно, такую девушку не в ночных клубах надо искать и не в приложениях для знакомств, но не о стратегии сейчас речь.

А во-вторых, даже два года назад, когда пьяный муд... мужик вылетел на встречу, убив моих родителей, мне и в голову не пришло добывать деньги на панели. А тогда все было куда хуже: ни родных, ни образования, ни, само собой, работы – какая работа, две недели как ЕГЭ сдала! – зато ипотека, которую родители взяли за полгода до гибели. В конце концов, кроме того, что между ног, у меня есть и мозги, и руки, и гордость. А уж сейчас, когда все более-менее утряслось, я тем более бы не стала собой торговать.

– Что вы мне лапшу на уши вешаете! Отпустите, говорю!

Парень выпрямился, заглянул мне в лицо. Захотелось стать маленькой как мышка и юркнуть в какую-нибудь норку, прежде чем гнев, разгоравшийся в черных глазах, обрушится на меня.

– Хочешь выставить меня лжецом и насильником?

Глава 2

– Нет, – пискнула я. – Наверное, это какое-то недоразумение.

Да уж, недоразумение – это точно. Или у меня просто начался психоз с галлюцинациями от переутомления – такое, говорят, тоже бывает. Только мне нельзя сходить с ума: сидя в психушке, работать не получится, а перестану зарабатывать – окажусь на улице. Значит, надо срочно вернуть здравый рассудок, только как? Я ущипнула себя за запястье, со всей силы, так, что едва слезы из глаз не брызнули. Не помогло. Вот разве что красавчик разжал объятья и отступил на шаг, но вряд ли причина была в этом щипке.

– Недоразумение, значит. – Лицо его дышало яростью, глаза метали молнии, будь он лет на двадцать постарше – громовержца можно было бы рисовать. – Значит, сперва умоляла, а теперь делаешь вид, что ничего не было? Недаром ты носишь имя той, кто стала причиной первородного греха. Тоже кого угодно доведешь своими лживыми увертками!

Нет, это уже чересчур! То, что родители решили назвать меня Евой, еще ни о чем не говорит! Да и вообще, у Адама своя голова на плечах была, и нечего все на жену валить! Вечно мужики думают не тем местом, а потом женщина у них крайняя!

Парень, тем временем, продолжал кипятиться:

- А может, ты решила, что обещанной суммы мало, и удастся вытянуть побольше шантажом? Лучше не пытайся. Или забыла, кто я?

- Да и не знала, вообще-то, - брякнула я. - Я тебя в первый раз вижу.

Парень ошарашенно вытаращился на меня, кажется, потеряв на время дар речи. Прежде, чем он опомнился, каким-то шестым чувством я поняла - бежать. Делать ноги немедленно, пока он окончательно не решил, будто я издеваюсь. И я рванула, задрав юбку чуть ли не до пояса, чтобы не путалась в ногах. Едва успела выставить руку, чтобы не выбить дверь носом с разбега.

За дверью оказалась не деревенская улица, а короткий коридор, но я почему-то не удивилась. Ноги несли сами, будто знали куда. Я пробежала по нему так быстро, что гобелены на стенах слились в одно разноцветное пятно. Слетела с винтовой лестницы, несколько раз чудом не свалившись и не пересчитав копчиком ступени.

Еще коридор, в этот раз не безлюдный. Кто-то с гоготом потянулся ко мне - я увернулась, даже не замедлившись, как будто привыкла к попыткам облапать и давно умела их избегать.

Тяжелая дверь, которую я снова с разбегу распахнула собственным телом. Двор, какие-то постройки, стены. Замок? Где я? Что со мной? Почему я знаю, куда бежать?

Но размышлять обо всем этом было некогда, я неслась под свист, улюлюканье и нестройные выкрики - видимо, всем, кто оказался во дворе, было дело до перепуганной девушки. Какой-то мужик с перебитым носом выскочил передо мной чуть присев и растопырив руки - я легко поднырнула под загребущие грабли и понеслась к воротам. Ров, подъемный мост - глаза едва успевали замечать все это, в разуме билась только одна мысль - бежать. Даром что

сердце колотится в горле, воздуха не хватает и колет в боку. Бежать! Говорят, Альбин страшен в гневе, и проверять, так ли это, на собственной шкуре совершенно незачем.

Опомнилась я где-то в лесу, когда ноги окончательно отказались держать. Едва не свалилась в придорожные кусты. Пока восстанавливала равновесие, умудрилась оцарапать шею и едва не выколола глаз. Шагнула обратно на дорогу, и тут меня стошнило, не то от непривычной нагрузки – никогда я не бегала такие кроссы – не то от страха. От страха, скорее всего: желудок оказался совсем пустым, только горечь никак не хотела уходить изо рта. И, как на грех, с собой ни фляжки, ничего.

Сойдя с дороги, я сорвала веточку мяты, чтобы зажевать гадкий привкус, но, не успев ее сунуть в рот, застонала – запах живо напомнил холодок дыхания Альбина. Похоже, он не только за кошельком выходил.

Он ведь меня найдет. Да что там, и искать не надо особо. Трактир «Свин и сардины», на мысу. По левую руку, если стоять лицом к морю – Черная бухта, в лиге по берегу – деревня. Не доходя до нее, дорога раздваивается, одна ведет через деревню к замку, очертания которого видны на горизонте в ясную погоду. Вторая – в город, что находится в дневном переходе от нашего трактира.

По правую сторону от трактира, опять же, если смотреть на море – Сардинная бухта, которую мыс напрочь закрывает и от деревни, и от замка.

И уж кто-кто, а капитан замкового гарнизона, внебрачный сын герцога, прекрасно знает и этот мыс, и трактир, и меня. А уж он сам прославился на всю округу – неудивительно, что так оторопел, когда я заявила, будто впервые его вижу.

По слухам, прижитый от цыганки, словно в насмешку прозванный Альбином[2 - от albus (лат.) – белый], герцогский бастард унаследовал не только внешность, но и горячую кровь матери, которая, опять же по слухам, сбежала, едва придя в себя после родов. Вечно вопящий сверток она оставила в замке. Герцог не стал сбывать ребенка с рук, растил, выжидая, проявится ли магия. И когда подтвердилось, что ребенок – маг, нашел ему учителя. Хотя признавать бастарда так и не стал.

Господи, о чем я? Какие герцоги, какие бастарды? Я же ничего этого не знаю и не могу знать! Да и вообще сроду ни одного аристократа живьем не видела! В России вот уже больше века аристократы – вид краснокнижный!

Но ведь сейчас-то я не в России. И полчаса назад бойко шпарила на языке, которым в реальности и пары мыслей не смогла бы выразить, несмотря на отличные оценки! Откуда я его узнала? И не оттуда ли знаю, как об Альбине шептались, дескать, дерзок не в меру, места своего не знает, все потому, что за острый ум и сильную магию герцог ему позволяет куда больше, чем стоило? А теперь все чаще поговаривали, будто герцог намерен не только признать, но и усыновить бастарда по всем правилам. Альбин, поди, уже предвкушает день, когда сможет расплатиться со всеми, кто за глаза называл его ублюдком. В глаза-то давно никто не осмеливался.

За спиной раздался мерный топот копыт. Я подпрыгнула: накаркала! Вспомнила о нем и накаркала, Альбин за мной поехал, не снес, видать, оскорбления.

Что со мной сделает разъяренный герцогский сынок, привыкший ни в чем не встречать отказа, даже думать не хотелось.

Я попыталась бежать, но ноги подчиняться отказались и сердце прыгнуло в горло, мешая дышать. Видимо, то отчаянное спасение из замка стоило мне всех сил. Все, на что меня хватило – сигануть в придорожные кусты, съежиться там, глядя на дорогу сквозь листья.

Мало кто смел перечить Альбину, даром что вроде как простолюдин. Все же знали, чей он сын. В нашем герцогстве, как и в любом наследственном владении, власть лорда превышает королевской и даже божеской. Господь – высоко, а господин – вот он.

Господи, помоги. Я зажмурилась. Казалось, сердце, что колотится набатом, выдаст меня.

Как меня угораздило его разозлить? Как я вообще додумалась обратиться с совершенно непристойным предложением именно к Альбину? Даже странно, что он согласился заплатить. Ведь в самом деле мог просто задрать мне юбку и сделать все, что пожелает, кто бы ему слово поперек сказал? Но вроде бы мы договорились – только для того, чтобы я сбежала, когда пришло время

исполнять свою часть сделки.

Размеренный топот копыт приближался. Я вцепилась зубами в кулак, чтобы не заскулить от страха. Ишь, не торопится. Знает, что все равно никуда не денусь. Угроздило же меня наворотить дел!

Всадник остановил лошадь. Неужели Альбин заметил следы в дорожной пыли и понял, куда я спряталась? Сквозь листья я видела только четыре ноги примерно от середины бабок до колен, а высунуться посильнее было страшно – как бы не выдать себя. Странная масть у коня, невнятно-бурая. Альбин же обычно ездил на рыжем, золотисто-абрикосового цвета.

Ноги свернули с дороги, двинулись ко мне. Я сжалась – может, все-таки пронесет? Затрещали ветки. Нервы мои не выдержали, заверещав как ненормальная, я вскочила, собираясь бежать, и обнаружила в паре метров от себя чудовище с разлапистыми рогами.

Чудовище фыркнуло и понеслось прочь, я осела на подогнувшихся ногах, одновременно смеясь и размазывая по щекам слезы. Лось. Просто лось. И, кажется, я напугала его не меньше, чем боялась сама.

«Я». А кто – я?

Я спускаюсь со ступенек сцены, сжимая в руках аттестат вместе с медалью «за особые успехи в учебе». Мама промокает глаза бумажным платочком.

– Так Вите и надо, – говорит вдруг она, когда я сажусь рядом. – Сколько просила – уходи ты с этой «скорой», и так не заметил, как дочь выросла! Нет, уперся: если все уйдут, кто останется? Вот пусть теперь локти кусает, что не видел, как тебе аттестат вручали.

Я улыбаюсь, обнимая ее. Сегодня мне не хочется ни обижаться самой, ни видеть чужие обиды. Папа почти всегда на дежурстве, и подменить его некому, я давно привыкла к этому. Да и мама ворчит скорее для порядка, давно смирилась.

Распахивается дверь трактира, отец, переменявшись в лице, взглядом указывает мне на двери в кладовую. За кладовой – двери в наши комнаты, куда

гостям нет хода. Я спокойным шагом двигаюсь к двери, отец, кланяясь, устремляется навстречу гостям, лепечет о том, какая это для нас честь. В самом деле, в последний раз люди герцога заглядывали к нам поест в тот год, когда родилась Бланш, это, выходит, десять лет назад? Мне нужно предупредить ее и Джулию, чтобы не высовывались, и самой скрыться с глаз. Все мы давно умеем увильнуть, не меняя выражения лица, прежде, чем мужская лапа дотянется до талии или мазнет по груди. Знаем, как разговаривать с буйным пьяницей и как утишить гнев недовольного постояльца, но купцы и их охрана – это одно, а на людей герцога, случись чего, управы искать негде.

– Эй, красавица! – окликает меня властный баритон.

Я оборачиваюсь, и сердце пропускает удар. Конечно, я знаю Альбина в лицо, кто ж его не знает, но никогда не видела так близко.

– Что вам угодно, милорд? – склоняюсь я.

– Чем у вас кормят сегодня?

– Чечевичная похлебка с зеленью, милорд. Постная.

Черный нездешний взгляд обжигает, я заливаюсь краской. Отец словно невзначай вдвигается между мной и Альбином.

– Если милорд пожелает, я запекую на решетке ставриду утреннего улова. А вашим людям...

– Не мельтеши, – перебивает его Альбин. – Сойдет и похлебка. Хлеба и пива, само собой. – Он улыбается мне. – Накормишь, красавица? А ты займись моими людьми. – Это уже отцу.

Отец комкает в руках полотенце, но перечить не решается.

Я устремляюсь к полкам, где сложены миски, дорогу мне преграждает мужчина в кольчуге – впрочем, они все сегодня в кольчугах. Я привычно сдвигаюсь в сторону, но в этот раз маневр не удастся – мужчина сгребает меня в охапку. И в тот же миг раздается голос Альбина:

– Джек.

Короткое слово звучит как пощечина. Девочка вытягивается в струнку, руки по швам.

– Виноват, милорд.

Я выдыхаю, не успев толком испугаться. Похоже, капитаном Альбин стал не только благодаря происхождению. Я насмотрелась на купеческих охранников – редко когда старший умеет осадить своих людей с полуслова и без зуботычины.

Все то время, пока я разношу еду, потом собираю тарелки, за мной неотступно следует взгляд черных глаз, от которого у меня горят щеки.

Неделю после отец не выпускает меня из трактира – не ровен час беда случится. Но, к счастью, сыну герцога недосуг вспоминать о дочке трактирщика.

Я сжала руками виски и застонала. Не помогло. В голове продолжали тесниться, мешая друг другу, образы из двух жизней, на двух языках.

Я – Ева. Дочь участкового терапевта и врача скорой помощи. Примерная девочка, планы которой на истфак и дальнейшую жизнь накрылись одним далеко не прекрасным июльским днем. Да черт с ним, с истфаком, я бы согласилась всю оставшуюся жизнь мыть туалеты, лишь бы не было того бесконечного кошмарного дня, когда я никак не могла дозвониться родителям, и всего, что за ним последовало.

Я – Ева, никогда даже не слышавшая о России. Дочь трактирщика и урожденной графини, что звучит нелепицей, но все же правда. Девушка, дошедшая до крайней степени отчаяния прежде, чем решилась обратиться к сыну герцога. Просто не нашла другого способа добыть денег, чтобы оплатить долги отца.

Да что же это, карма у меня такая, что ли – оказываться по уши в чужих долгах?!

Я глубоко вздохнула. Медленно выдохнула. Выскочила на дорогу, зашагала быстро, насколько хватало сил и дыхания, словно пытаюсь убежать от мыслей. Без толку.

Я сошла с ума? Или меня в самом деле занесло куда-то в средневековую Англию? И, кажется, вовсе не ту Англию, которую показывали в кино о Робине Гуде. Едва ли в нашем средневековье о сыне кого-то из герцогов говорили бы, что господь не обделил его магией. Да и к незаконнорожденным у нас относились не слишком хорошо. Исключения бывали, конечно, но на то они и исключения.

Так все-таки бред? Или очередная параллельная вселенная, о которых написано миллион фантастических книг? Скорее второе, слишком уж реальным было все вокруг. Вот сейчас, например, мне безумно хотелось пить, ныли ноги после долгого бега, а мысль, что до дома идти еще несколько часов, приводила в отчаяние.

Господи, как будто это самая серьезная причина отчаяться! Я разрушила единственную возможность добыть деньги, и, значит, мне конец. Нам всем конец! Мне, Филу, Бланш и Джулии. Да и плевать, что Филипп и Бланш – сводные, они моя семья, а я старшая, и я все испортила!

Стоп! Опять не мои мысли. Так я точно рехнусь. Я потрясла головой, вытряхивая из мозгов лишнюю личность. Даже постучала по уху и попрыгала, будто чужие воспоминания и чувства могли вытечь через слуховой проход. Но ничего не изменилось, даже наоборот. Казалось, обе Евы утряслись, вполне комфортно устроившись в одной голове, перемешавшись, но не растворившись друг в друге как рис и гречка в одной банке.

По порядку. Нужно во всем разобраться по порядку.

Для начала: как я выгляжу? Я снова оглядела себя и с сожалением поняла, что без зеркала едва ли это пойму. Руки, вроде бы не изменились: как дома я коротко стригла ногти и не носила колец, так и здесь, и форма ладоней и пальцев почти такая же. Фигура? Да кто ее разберет в таком ракурсе. Косы такой у меня дома не было, обычно я носила хвост чуть ниже плеч, а тут – ниже лопаток, но цвет волос тот же, очень темный русый. Придется, наверное, этим пока и ограничиться.

Дальше. Если я попала в другой мир, в чужое тело и чужой разум, значит, я умерла, и местная Ева тоже. Но как?

Вспомнить удалось не сразу. Я проснулась среди ночи, выползла из кровати, недобрым словом поминая удивительно вкусную вяленую рыбу, которую, конечно, пришлось запивать. Темнота стояла кромешная: ставни закрыли с вечера, чтобы луна, костры и смех с улицы не мешали спать. Хоть телефоном бы подсветить, так он где-то в недрах сумки, запрещены на игре телефоны. Я двинулась к двери – точнее, туда, где, как я помнила, должна быть дверь – медленно, наощупь, но организм настойчиво призывал поторопиться. Шагнула чуть шире, чем стоило, нога зацепилась за что-то мягкое...

Вспомнился миг падения: что-то твердое ударило по виску прежде, чем я долетела до пола, искры брызнули из глаз.

Я нервно хихикнула. Похоже, я обеспечила себе номинацию на премию Дарвина[З - . Каждый год присуждается тем, кто наиболее глупо ушел из жизни, не оставив детей, или лишился возможности их иметь.], погибнув из-за собственной неуклюжести.

Нет, но я же живая! Я снова ущипнула себя, на этот раз за бедро, зашипела от боли. Конечно же, ничего вокруг не изменилось.

А вторая я? Умерла от стыда в прямом смысле? Очень похоже на то.

Разговор с Альбином в памяти не сохранился, ни словечка. Нюх переплетенные пальцы, стыд обжигает, как кипяток, отчаяние перехватывает грудь ледяным обручем. Перед глазами все плывет, но, как на грех, насмешливый взгляд Альбина словно прожигает мутную пелену, попадая в самую душу. За насмешкой отчетливо заметен мужской интерес – такие вещи я давно научилась различать – и, может быть, все получится. Не знаю, о чем молиться – чтобы он согласился или чтобы прогнал. Наконец, он поднимается со стула.

– Столько я при себе не держу. Сейчас вернусь, а ты пока залезай в кровать и раздевайся.

Усмехнувшись, он треплет меня по щеке, я пытаюсь улыбнуться в ответ, но на глаза наворачиваются слезы стыда. Закрывается дверь. Я подхожу к кровати:

роскошное ложе под балдахином, накрытое плотным узорчатым покрывалом. Высокое, просто так мне не влезть, но рядом обнаруживается скамеечка. Взобравшись на постель с ногами, я тянусь к завязкам платья. Пальцы немеют, как будто и не мои вовсе. В ушах шумит, перед глазами все по-прежнему плывет. Болит голова, все сильнее, а потом – словно лошадь бьет по виску копытом, искры перед глазами и темнота.

«Удар» – послушно подсказал разум. Отец рассказывал, что тетка матери умерла от удара в семнадцать, узнав, за кого ее просватали. Все сокрушался что мне, похоже, досталось от знатных родичей слабое здоровье. Мама, вон, тоже молодой умерла, так и не разродившись вторым ребенком. Я ее вовсе не помнила, называя мамой Имоджин, вторую жену отца.

Нет, что-то не складывалось. Не знаю, в примечаниях к чьей биографии я это прочитала, но помню, что удар – это инсульт. От инсульта не умирают в семнадцать, как тетка, и в восемнадцать, как Ева, насколько бы там слабое здоровье ни было.

Хотя стоп. Мама... Ох, я определенно умом двинусь с этим всем. Мама Ирина как-то упоминала про известного во времена ее юности певца, который умер молодым. Лопнул сосуд в мозге, даже до приезда «скорой» тот певец не дожил. Врожденная патология. Аневризма.

Кажется, поэтому же умерла и я.

Я сухо всхлипнула. Да какая разница, почему я тут оказалась! Домой хочу! Подальше от всяких герцогов и магии. Верните меня обратно, туда, где вовремя не заплатив кредит, я лишусь в худшем случае жилья, но не жизни!

Еще немного, и упаду плашмя, как ребенок, решивший закатить истерику, и точно так же начну колотить по земле руками и ногами. Только не поможет.

Что делать, что же мне делать?

Я машинально почесала предплечье у локтя, зашипела от боли. Ожог заживать не спешил. В памяти всплыло круглое добродушное лицо с почти бесцветными, как у рыбы, глазами. Гильем. Частый гость.

– Говорю же вам, мачеха уехала через неделю после того, как умер папа, забрав все его сбережения.

По закону Ева не могла наследовать трактир и землю, на которой он стоял – недвижимое имущество переходило в собственность брата, Филиппа, вместе с обязанностью содержать сестер до замужества и выделить им приданое. Деньги делились поровну между всеми наследниками, но Ева не торопилась забирать свою долю из сбережений семьи. Она не учла, что Фил еще не достиг совершеннолетия, и последняя жена отца становилась опекуной троих младших детей, даром, что вовсе не была их матерью. То есть могла распоряжаться всеми деньгами в их интересах, кроме того, что причиталось Еве. Мачеха и распорядилась, просто исчезнув из дома и прихватив заодно и чужую долю. Наверное, в этом не было ничего удивительного. Зачем молодой женщине – а она была совсем ненамного старше Евы – четверо чужих детей?

Но пока не доказано, что она именно сбежала, а не отправилась, скажем, в город пустить золото в рост, жаловаться не имело смысла. Разве что – на кражу денег Евы, но опять же, как доказать, что эти деньги вообще существовали, и она не наговаривает на честную женщину? Слово против слова, свидетельство несовершеннолетних не в счет.

Родился бы отец Евы дворянином, все было бы иначе – жена вернулась бы к своим родичам, забрав лишь приданое и подарки мужа, по крайней мере, должна была бы так поступить. Но случилось так, как случилось.

– То, что у меня осталось, не покроет и десятой доли долга, – в который раз повторила Ева Гильему. – За две недели столько не собрать, но я выплачу частями, если вы согласитесь подождать.

Да, у нее ничего не осталось, даже собственного дома, кроме кое-каких денег, что дарил отец. Но Фил не намеревался гнать сестру из дома, и вместе они бы справились с постоянным двором, как справлялись и до того. У их семьи даже работников никогда не было – девчонки начинали мыть посуду, едва могли дотянуться до поставленного на скамью таза. «Зачем нам чужие? – всегда говорил отец. – Мы отлично все сделаем сами, и деньги остаются в семье. Девчонкам на приданое, Филу на свой дом, когда решит отделиться». Знать бы она заранее, как все обернется.

Знать бы заранее, почему отец не хотел нанимать чужих.

– Я расплачусь, только дайте время. Трактир приносит хорошие...

Гильем покачал головой.

– Деточка, ты никогда не задумывалась, почему в вашем трактире хватает гостей, хотя в лиге отсюда, в деревне, тоже есть постоянный двор?

В самом деле, Ева никогда над этим не задумывалась.

– У нас добрая еда и тихо. Спокойно.

Он расхохотался.

– Такая же похлебка и каша, как везде. И в деревне всегда можно подмять под бок сговорчивую теплую вдовушку. Тихо – вот ваше единственное достоинство, только и оно уже неважно. Не будет трактир приносить ничего теперь, когда Бен помер, и дело свое никому не передал. Держу пари, у вас уже почти нет заработка.

Он не ошибся. Холера унесла отца месяц назад, и если первые две недели на постоянный двор еще заглядывали путники, то теперь просто проходили мимо. Но Ева полагала, они просто боятся заразы и надеялась, раз холера не пошла по округе, скоро и гости успокоятся и поймут, что в трактире безопасно.

– Я поверил Бену, оставив товар, потому что он никогда меня не подводил. – сказал Гильем. – Но он подвел.

– Жизнь человеческая в руках Господа. Кто мог знать?

Отец уж точно не мог предвидеть своей смерти. Иначе бы позаботился и о старшей, присовокупив к завещанию траст, по которому Ева бы считалась управляющей трактиром в пользу наследников – его вдовы и Фила – с правом оставлять себе долю от заработанного, определенную все тем же завещанием. Этой уловке его научила мать Евы: так лорды обходили закон о майорате[4 - . Порядок наследования, при котором все имущество получает старший в роду],

не желая оставлять младших детей вовсе без средств, и заставила отца написать подобное завещание после того, как родилась старшая дочь. Но с тех пор он дважды женился, что сделало завещание недействительным, а надоумить отца его обновить Еве и в голову не пришло. Даже если бы он сам об этом подумал, заболев, все равно не успел бы ничего сделать. Подумать только, меньше чем за полдня нестарый, крепкий мужчина может превратиться в изможденное тело с ввалившимися щеками и запавшими глазами.

– Жизнь, может, и в его руках, но мне не нужна ничья жизнь, – не согласился Гильем. – Мне нужны мои деньги, и я их получу, так или иначе.

– Если вы согласитесь подождать...

– Я не могу и не хочу ждать. Если через две недели я не получу свое золото от тебя – его даст мой старый приятель. Он возит товар на рынки Порты[5 - . Османская империя]. – Гильем склонил голову набок, разглядывая Еву, будто мясной отруб. – Ты старовата, но кое-что выручить можно. Зато за Джулию и Бланш заплатят не скупясь. Особенно за Бланш. Нежный еще не распустившийся бутон...

– Ей десять лет! Джулии тринадцать!

– У язычников своеобразные вкусы.

Ева застыла, не в силах вымолвить ни слова. Это даже не долговая тюрьма, это...

– Да и сильные парни вроде Филиппа всегда нужны в каменоломнях, – продолжал меж тем Гильем.

Но неужели подобное возможно не только в диких восточных землях, но и здесь, в родной стране? Или кредитор лишь хочет напугать покрепче, на случай, если Ева просто жадничает?

– Вы не...

– Не посмею? А кто меня остановит? Трактир на мысу, во все стороны на мили ни одной живой души.

Он резко потянулся через стол, схватив за руку. Задрал рукав, сжал предплечье Евы у самого локтя.

– А чтобы ты не думала, будто я шучу, оставлю памятку.

Его ладонь стала нестерпимо горячей, девушка, вскрикнув рванулась, но Гильем был сильнее. Когда он отнял руку, на тонком предплечье кольцом вздулись волдыри.

– У тебя две недели.

Глава 4

Неделю из предоставленных Еве двух она просидела у очага, глядя на пепел. Гости не появлялись и не было смысла разводить большой огонь, да и дров осталось немного. Младшие обходились для готовки жаровней или просто хлебом и сыром. Самой Еве кусок в горло не лез, и если бы Фил не кормил насильно, она бы о еде и не вспомнила

Девочки несколько раз пробовали спросить, что случилось, и, не получив ответа, отстали. Жались по углам, смотрели испуганно. Пусть беспокоятся лучше о сестре, чем заранее оплакивают собственную участь. Филу Ева рассказала, взяв слово, что не разболтает сестрам. Как выяснилось, брат все же кое о чем догадывался, но в подробности отец его не посвящал, ждал совершеннолетия, чтобы тот мог сам решить, вливаться ли в семейное дело или отделяться и жить самому, бедно, но спокойно.

Фил тоже скопил сумму, считавшуюся бы неплохой в других обстоятельствах, но и этого было мало, слишком мало. Все же брат пытался растормошить Еву – твердя, что все в руках Господа и тот не допустит беды, потому отчаиваться рано. Но почему-то это вовсе не утешало.

Жаловаться герцогу не имело смысла. Контрабандистов вешают. Никто не поверит, будто Ева не знала, чем на самом деле промышляет отец.

Она-то в самом деле считала, что торговым людям так удобней. Тем, кто приходит посуху – завершить дневной переход, заночевать, чтобы еще через один переход оказаться в Бернхеме, ближайшем городе. Снова заночевать там, чтобы, проснувшись, сразу заняться делами и не тратить драгоценные утренние часы в очереди у ворот. Бернхем был крупным портом, куда приходили корабли со всего света и откуда в глубь страны отправлялись вереницы пони, груженных разнообразными товарами.

Таким, как Гильем – приплыть под вечер, чтобы заночевать не в качающейся каюте, а на твердой земле, поесть нормальной еды, а не солонины. Да и не платить за лишнюю ночь стоянки в городском порту.

Им на самом деле так было удобней. Одним – бросать якорь в бухте, которая не просматривалась ни из деревни, ни из замка. Другим – заночевать в трактире, где заведомо не могло быть случайных людей, а значит, никто не станет считать, сколько тюков с вещами постояльцы занесли в трактир и сколько вынесли.

Гильем утверждал, что оставил отцу два бочонка виски, пять фунтов гвоздики и столько же корицы, три фунта мускатного ореха и фунт шафрана. Если бы он привез все это легально, выгрузив в Бернхеме, который принадлежит короне, налог за ввоз и право продажи составил бы полторы стоимости товара. Да, именно столько. Королю тоже хочется вкусно есть и сладко спать, да и двор содержать нужно.

Понятно, почему отец много лет был готов рисковать головой. Непонятно только, что делать теперь.

Фунт мускатного ореха – это корова. Гвоздика и корица дороже. Про шафран и говорить нечего. Даже если Ева решит продать трактир, даже если найдется покупатель, этого не хватит...

Стоп. Об этом она уже думала и не раз, так что мне вовсе незачем забивать себе голову. Нечего ходить по кругу.

Тот единственный выход, который пришел в голову Еве, я блистательно проворонила. Дорогой куртизанки из меня не вышло – к счастью – так что самое время придумать что-то новенькое.

Например, сбежать. Да по большому счету только бежать и остается, учитывая разъяренного Альбина.

Только куда и как?

Попытаться попросить помощи и защиты у материнской родни? Уж у графа Лайгона найдется и место в доме, и люди, чтобы защитить этот дом.

Но мать вышла за трактирщика не просто так. Отроковицей ее отправили воспитываться в монастырь – дабы могла научиться там подобающему смирению и благочестию. Через несколько лет оказалось, что забирать ее домой родители не собираются. Упрямую и своенравную девицу, дескать, никто не возьмет замуж без хорошего приданого, тратиться на приданое дочери, когда старший сын удостоился чести быть принятым при дворе? Придворная жизнь дорога.

Что ж, мать показала всем, что упрямой и своенравной ее считали не зря, и сбежала из монастыря перед самым постригом.

Я невольно хихикнула – моя мама, Ирина, тоже уехала из деревни вопреки родительской воле. Те твердили – какой медицинский, какой институт, возмечтала курица о соколином полете! Только когда она все же поступила, помогали чем могли. А граф и графиня объявили дочь мертвой. Опозорила семью, дескать. Пока в одиночку скиталась по дорогам наверняка кто только не потрепал. Репутация погибла, замуж теперь не спихнуть, и приданое не поможет, еще и на старших тень падет. Нет дочери – нет проблемы. Можно ли искать помощи у тех, кто рассуждает подобным образом?

Но все же при мысли о родственниках в груди затеплилась надежда. Люди меняются. Вдруг граф и графиня успели пожалеть о том, что когда-то в сердцах натворили? Опять же Ева – не плод греха, а родилась в законном браке. Правда вместе с этим браком мать лишилась права на титул и всех привилегий дворянства, и...

Надежда угасла так же стремительно, как появилась. Нет, останься мать жива, ни в одном знатном доме ее не пустили бы дальше прихожей. И меня тоже не пустят. О младших и говорить нечего – если над внучкой дед с бабкой и сжалются, пристроив хоть на кухню, то едва ли озаботятся судьбой остальных.

Даже Джулия – единокровная сестра Евы, а не единоутробная, Фил и Бланш вовсе сводные, дети мачехи от первого брака.

И все же, когда буду проходить деревню, загляну к священнику и попрошу сделать выписку из книги, в которую он заносит свадьбы, рождения и смерти. Если он не знает, что такое выписка – объясню. И для девочек и Фила тоже пусть сделает. В мире, где не существует удостоверений личности, понадобится хоть какое-то подтверждение, что я не самозванка.

В траве у обочины блеснул ручей, я свернула. Родник обнаружился совсем рядом с дорогой. Кто-то выложил дно плоскими камнями, вода была чистой и ледяной. Я напилась так, что забулькало в животе, наконец-то смыл гадкий привкус во рту. Чтобы окончательно перебить его, разжевала листик черемши. Нарвав еще пучок, сунула в карман, привязанный к поясу под юбкой. Отличные карманы, вместительные, даже жаль, что в наше время... тьфу ты! Успею я еще этим карманам нарадоваться! Как и соскучиться по душе, канализации и прочим прелестям цивилизации.

Острый вкус черемши разбудил желудок, безумно захотелось есть – все-таки та я, что оказалась в этом теле, сейчас была не Евой, которую накрыла апатия обреченности. Ей мысль о бабке с дедом и вовсе в голову не пришла. Я тоже не особо на них рассчитываю, но плохой план – лучше, чем совсем никакого. Надо бы прикинуть еще парочку альтернативных вариантов.

Я огляделась по сторонам. Жаль, земляники не видно, а для других ягод еще рановато. Взгляд выхватил белые шапочки рядовки, но не настолько я оголодала, чтобы есть сырые грибы. Я еще раз огляделась, с наслаждением вздохнула запах хвои. Сосновая ветка висела над самой головой и на кончиках ее яркой зеленью светились нежные молодые побеги. Баба Люда делала из них чай, витаминный, полезный, как она говорила. Если здешняя история идет примерно как наша, то с чаем еще долго будут проблемы, как и с витаминами. Я начала собирать мягкие ароматные веточки, тоже складывая их в карманы, и замерла оглушенная осознанием – за неделю авитаминоз мне не грозит, а потом вернется Гильем, и ничего уже не будет иметь значения.

Зачем я вообще иду домой, в лапы человеку, который намерен продать меня в рабство? Одной-то точно спрятаться легче, чем толпой. Они же мне даже не родня.

Память Евы тут же услужливо подкинула лицо сестры, расплывающееся в мареве жара. Когда Еву прихватила горячка, Джулия не отходила от ее постели, пока не свалилась сама. Та болезнь прошла по всей семье и унесла вторую жену отца, которую Ева любила как маму. Наверное, современные врачи назвали бы эту хворь пневмонией и вылечили бы. Деревенская знахарка ничем не смогла помочь. Отец ходил в замок и был готов заплатить любые деньги. Но, как на грех, замковый целитель сопровождал герцога в поездку в столицу. Отец рассказывал, как, пал в ноги Альбину, единственному оставшемуся в замке магу, сулил деньги. Тот отказался, сославшись на то, что он воин, а не целитель, но отец продолжал уговаривать, пока Альбин, потеряв терпение, не велел выставить его вон.

Следующее воспоминание было таким же ярким, как первое. Ева с братом собирали хворост, когда кусты раздались и из-за них вышел волк. Страх пробежал холодом по хребту но прежде, чем Ева опомнилась, Фил ухватил палку, и шагнул навстречу зверю. Заорал во все горло, застучал по сосне, и волк отступил.

Я вздохнула, возвращаясь в реальность. Нет, я их не брошу. Ева любила сестер и брата, и они платили ей любовью. Другой-то семьи у меня сейчас нет.

Наверное, стоит попытаться пристроить младших в городе, к брату их матери. Мне он не родственник, но племянников может принять, пока я не найду работу и жилье. Тем более, что и Фил и девочки могут помогать ему и дома и с работой. Но что если он прогонит нас, едва выслушав? Найти пристанище и работу нужно быстро, тех, кого сочтут бродягами клеймят, и...

Я выругалась, благо в лесу слушать было некому. Никуда нам не сбежать, даже в город, потому что пятнадцать лет назад король издал закон, запрещающий работникам – трудоспособным гражданам, если говорить современным языком – сниматься с места без разрешения лорда. Вот почему у Евы даже мысли не появилось о побеге!

Впрочем, если выбирать между несправедливым законом и жизнью – само собой, жизнь дороже. А рабство – это смерть, карьера Роксоланы[б - . наложница, а затем супруга османского султана Сулеймана Великолепного] мне точно не светит.

Значит, хватать младших и бежать. И чем быстрее, тем лучше, и без того неделя потеряна. Вещей у нас немного и...

Додумать я не успела: из-за деревьев вышли двое. Средних лет, прилично одетые, один постарше и чуть повыше. Я попятилась: выражения лиц мужчин не предвещали ничего хорошего. В следующий миг я узнала старшего. Когда Гильем появился у нас, этот следовал тенью, отойдя от хозяина лишь для того, чтобы выставить остальных спутников из зала и закрыть наружную дверь. Я, помнится, дернулась тогда. Дверь в питейное заведение должна быть открыта весь день, дабы бейлиф[7 - . приказчик], если вдруг будет проходить мимо, всегда мог убедиться, что внутри не творится ничего непотребного, не переступая порога и не оскверняя себя посещением пивной. Отец это правило соблюдал неукоснительно, дескать, скрывать нам вовсе нечего, и неважно, что трактир - не пивная.

Откуда они взялись сейчас? Гильем же уплыл, я сама это видела!

- И где это тебя носит? - поинтересовался старший.

Я попятилась.

- На заработки.

- В замок. На заработки, - ухмыльнулся он.

Да какого рожна? Насколько я помню, его наниматель под домашний арест меня не сажал.

- ...Тайком в ночи улизнув.

Так вот в чем дело! Видать, его оставили меня сторожить. Проворонил, когда я уходила из дома, и решил - сбежала. Испугался нагоняя от хозяина, а теперь решил сорвать злость и за то, что меня упустил, и за свой страх.

Не дожидаясь, пока он перейдет от угроз к действию, я развернулась и рванула со всех ног. Ровно для того, чтобы через три шага ноги заплела невидимая веревка, и я грохнулась оземь.

Глава 5

От удара вышибло дух и зазвенело в голове. Но прежде, чем я успела отдышаться, старший вздернул меня на ноги за шкурку, будто щенка.

- Где тебя носило? - Он перехватился меня поудобней, вцепившись в край выреза платья. Тряхнул так, что клацнули зубы.

- Денег добыть, - пролепетала я.

- В замке? Денег? - Он снова меня тряхнул, затрещала ткань. - Еще скажи, у самого лорда займы попросить?

Я замотала головой, опасаясь раскрыть рот, чтобы не откусить себе язык.

- Или донести решила?

Прежде, чем я успела что-то ответить, мужчина выругался и отшвырнул меня. Стук копыт поначалу показался музыкой, потом я сообразила - от тех, кто спугнул бандитов, мне тоже ничего хорошего ждать не приходится. Шмыгнула в кусты - ровно затем, чтобы за спиной услышать знакомый властный баритон.

- Джек, держи девку!

Я снова понеслась - откуда только силы взялись! За спиной затрещали ветки, кто-то закричал - от этого крика у меня волосы встали дыбом, а тело на миг перестало слушаться. Опомившись, я побежала дальше, не обратив внимания, что деревья поредели, а кустов вовсе не осталось. И едва успела остановиться. Из-под ног с обрыва полетели комья земли и камни, он был таким высоким, что я не заметила, как они упали в серые морские волны. Я пошатнулась, удержавшись буквально чудом, замерла, заметавшись, но и нескольких мгновений колебания хватило преследователю, чтобы настичь меня.

Я безрезультатно пыталась вырваться, мужчина - кажется, тот же самый, что пытался облапать в трактире, закинул на плечо, словно мешок. Кровь прилила к

голове, замутило. Только бы не стошнило снова, этот же меня прибьет, если испачкаю ему одежду. Хотя, кажется, все равно мне конец.

Мужчина выволок меня на дорогу. На миг мне почудился запах озона, как после грозы, но его тут же сменила невыносимая вонь паленого. Я завертела головой, тщетно: обзор заслоняла филейная часть моего недобровольного носильщика. Еще несколько шагов, и меня, не слишком церемонясь, поставили на землю, придерживав за бока, чтобы не свалилась. Я покачнулась, одернула юбку, задравшуюся выше колен, как будто в эту минуту не было ничего важнее – впрочем, под взглядами четырех мужчин и в самом деле не было ничего важнее.

Если не считать двух тел в паре метрах передо мной, совсем рядом с копытами коня запоминающегося светло-абрикосового цвета. Одно тело – с залитой кровью головой, земля вокруг тоже окрасилась алым. Второе – с обгорелыми волосами, по застывшему лицу ветвилась розовая молния.

Я попыталась поднять глаза на Альбина: на облеченных властью следовало смотреть открыто и прямо. Но, похоже, мой мозг решил, что с него на сегодня хватит острых впечатлений. Зазвенело в ушах, подкатило к горлу, и мир исчез в серой пелене.

Кажется, кто-то выругался. Кажется, меня опять водрузили на плечо, будто мешок – во всяком случае, когда кровь снова прилила к мозгам, я пришла в себя, ровно для того, чтобы ощутить, как меня скинули на землю еще бесцеремонней, чем в прошлый раз. Я бы вскрикнула, но, казалось, удар спиной плашмя, вроде и не слишком сильный, напрочь вышиб воздух из легких. Кое-как продышавшись, я приподняла ресницы и тут же снова зажмурилась, обнаружив прямо над собой лицо Альбина.

– Будешь притворяться – приведу в чувство пощечинами, – сказал он.

Пришлось открыть глаза. Надо было встать и поклониться, но меня опять мутило, то ли от голода – невесть когда я в последний раз как следует ела – то ли от страха. Валиться без чувств сподручней из сидячего положения, чем из стоячего, ловить-то никто не будет. Так что я села, и, встретившись взглядом с Альбином, попятилась сидя. Отползая, пока подо мной не оказались корни, а спина не уперлась в жесткий сосновый ствол.

Мужчина – теперь обозвать его парнем язык не поворачивался: молодой мужчина, воин, верный помощник начавшего дряхлеть герцога – сидел рядом на корточках, лицо и взгляд его не предвещали ничего хорошего. Да, в конце концов, мне и так ничего хорошего не светит. Этот не прибьет – Гильем продаст в рабство, так что лучше уж пусть прибьет. Вот только что будет с младшими...

Я исподтишка огляделась. Нет, не сбежать. И отпихнуть Альбина не получится, даже сидя на корточках он держался так, будто обеими ногами прочно стоял на земле. Но даже если выйдет – по обе стороны от меня обнаружилось двое его людей, следящие за происходящим с веселым любопытством, и эти двое сцапают прежде, чем «мама» успею сказать. Третий стоял за спиной своего господина, чуть поодаль, и его лицо не выражало ничего. Я поежилась от его выражения – конечно, любой из троих мне голову открутит, только прикажут, но этот испытает эмоций не больше, чем глуша рыбу о стену ведра. Хотя какая мне, в общем-то, разница, пожалеют меня, убивая, или нет?

Альбин протянул руку в сторону, и подручный, другой, не тот, что меня изловил, подал ему кожаную котомку.

– Ты забыла.

Он бросил сумку мне. Судя по весу и по тому, как кожаный мешок обвис, плюхнувшись мне на колени, внутри не было почти ничего. Зачем я... в смысле Ева, вообще с ней таскалась?

– Спасибо, – пролепетала я, едва удержавшись, чтобы не поинтересоваться, неужели он велел седлать лошадей лишь ради того, чтобы вернуть мне потерянное имущество? – Очень любезно с вашей стороны. Я могу идти?

А вдруг да выгорит?

Альбин улыбнулся, и от этой улыбки меня пробрал мороз.

– Конечно. До ближайшей сосны. Или предпочитаешь висеть на березе после того, как мои парни с тобой наиграются?

– За что? – выдохнула я.

- За покушение на убийство.

Это было настолько нелепо и неожиданно, что я невольно фыркнула. У меня – раздвоение личности, у него – паранойя. Да мы просто созданы друг для друга! Эта идиотская мысль обожгла щеки, очень не вовремя, надо сказать.

Разозлившись на себя, чтобы отвлечься от всяких глупостей я брякнула первое, что пришло в голову.

- И как бы я это провернула голыми руками?

- Голыми руками, – повторил Альбин, выделив голосом первое слово, и так это прозвучало, что меня обдало жаром. А он качнулся вперед – я шарахнулась, подтягивая ноги к груди ровно для того, чтобы он поймал их и прежде, чем я успела опомниться, вклинился между ними, поднявшись на коленях так, что оказался почти вплотную ко мне. Мужские руки нырнули мне под юбку, оглаживая бедра.

- Я ведь не проверил, не носишь ли ты стилет за подвязкой.

Подвязки – вовсе не те кружевные штучки, которые в ходу у нас, а жесткие тесемки – вообще-то обхватывали мои ноги под коленом, а вовсе не там, где он шарил.

- Руки убери, – прошипела я, пытаюсь его оттолкнуть. Проще, наверное, было сдвинуть сосну, в которую я упиралась спиной.

Альбин широко улыбнулся. Глаза его, устремленные на мое лицо, потемнели, ноздри хищно расширились. Я заерзала, пытаюсь увернуться от обжигающих прикосновений. Ладони Альбина скользнули к мои коленям, но не успела я выдохнуть, как он снова двинулся под юбку, большие пальцы огладили внутреннюю сторону ног, пробираясь все выше. Я охнула, на несколько мгновений разучившись дышать. Здесь женщины не носили нижнего белья и то, что еще четверть часа назад казалось естественным, сейчас заставило почувствовать себя и вовсе голой под полным вожделения мужским взглядом.

- Там... негде спрятать, – прошептала я. Язык не слушался, а от жара, залившего тело, кажется, должны уже были загореться и сосна, и подстилка из иголок на земле.

– В самом деле? – Он продолжал улыбаться, но в голосе прорезались незнакомые хриплые нотки. Замер, по-прежнему не отрывая взгляда от моего лица.

Я облизнула внезапно пересохшие губы. Альбин выпрямился, одернув мою юбку, но не успела я облегченно вздохнуть, как он придвинулся ближе – куда еще ближе-то! – и накрыл ладонями мою грудь.

– Здесь тоже, скажешь, негде спрятать? – все так же хрипло поинтересовался он. Пальцы безошибочно нашли чувствительные точки. Я всхлипнула. Хотелось провалиться сквозь землю – и от этих бесцеремонных прикосновений, и от самого Альбина – знает ведь, что я не могу дать отпор и упивается своей властью. И от собственной реакции, потому что не только смущение заливало краской мои щеки и не только от страха сердце колотилось как ненормальное.

Да что ж это, я же не профурсетка какая! Даром что намек Альбина про стилет за подвязкой прекрасно поняла. В нашем мире он был не столько оружием профессиональных убийц, сколько принадлежностью проституток – маленький, незаметный, но помогает утихомирить буйного клиента или намекнуть нежелающему платить, что так себя не ведут.

И так, как я, себя не ведут.

– Да пусти же ты! – вскрикнула я. – Нету у меня оружия, ничего нет! Я не убийца!

Слезы сами потекли по щекам. Вот только не хватало рыдать перед этим... и он же не один. О, господи, пока Альбин меня лапал, остальные любовались! Почему в самом деле нельзя умереть от стыда? Я вытерла слезы рукавом. Прошептала, уставившись на подол:

– Мне просто нужны были деньги.

Взгляд словно прилип к сбившейся складками юбке. Я попыталась поднять глаза – лучше бы и не пробовала, потому что полы длинной куртки Альбина распахнулись, явив вздыбившиеся штаны. Я зажмурилась, вжавшись затылком в дерево.

Даже не открывая глаз я ощутила, как он отстранился, и не потому, что мужские руки, наконец-то оставили меня в покое. Словно исчезло статическое электричество между нашими телами.

Альбин рассмеялся – жестко и зло.

– Даже жаль, что в королевскую труппу не берут женщин. Из тебя вышла бы отличная актриса. Что в моей спальне – в пору в самом деле было поверить, что ты едва не плачешь от стыда. Что сейчас – прямо сама оскорбленная невинность. Стоило бы заплатить хотя бы за такое представление... если бы я вообще собирался платить.

Почему-то мой взбудораженный разум отметил только одно – не собирался платить. Разочарование и гнев оказались неожиданно сильными, так что у меня вырвалось:

– Не собирался?!

– Да ни одна девка не стоит таких денег, какой бы смазливой и нетронутой она ни была!

– Тогда зачем...

Я осеклась, поняв, как прозвучало бы, договори я «зачем руки тянул?». Будто в самом деле ночная бабочка обижается, что ей не заплатили. И не объяснишь ли, что нутро жжет обида Евы, той Евы, которая, переступив через себя, пришла к нему в надежде на избавление, даже не ради собственного спасения – ради брата и сестер.

– А почему бы нет? – Альбин снова склонился ко мне, схватив за подбородок, провел большим пальцем по моей нижней губе. – Ты красива и вызываешь желание, это было заметно даже в полумраке трактира. Так почему я должен отказываться от того, что само идет в руки?

– Это... подло!

Его лицо окаменело, пальцы сильнее сжали мой подбородок.

– Придержи язык. Я обхожусь с людьми так, как они того заслуживают. С порядочными – как с леди, со шлюхами...

– Я не шлюха!

Он ухмыльнулся, выпуская меня.

– Я сказал – заплачу, если есть за что платить. И я не лгал. Только готов поспорить – невинностью и не пахнет, так что мои деньги в любом случае остались бы при мне.

Я спрятала лицо в ладонях. Дурдом. Сажу в лесу у черта на куличках и убеждаю малознакомого мужика в своем высоком моральном облике.

Глава 6

– Ты ведь потому и сбежала, верно? – продолжал Альбин. – Потому что вовсе не собиралась со мной ложиться.

Я замотала головой, не отрывая рук от лица. Ева бы выполнила свою часть сделки. Жаль, что я не Ева. Хотела бы я посмотреть, какое лицо стало бы у Альбина, когда он обнаружил, что его не обманывают.

Господи, что я несу! Еще не хватало, чтобы в мой первый раз меня оприходовали как публичную девку! «Я же не грубиян какой», – вовсе ни к месту всплыл в памяти горячий шепот. Ох, хорошо, что сейчас никто не видит моего лица!

Альбин, меж тем, не унимался.

– Хороший план. В самом начале я подумал, что пославшие тебя глупы – какой бы искусной убийцей ты ни была...

– Я не убийца! – закричала я ему в лицо, но он продолжал, словно не услышав.

– ...ты все равно женщина, не владеешь магией, и если я буду начеку, тебе со мной не справиться. – Альбин усмехнулся. – Но на самом деле очень неплохой план. Я не привык, чтобы меня водили за нос, и не пойми быстро, что к чему – помчался бы следом, чтобы проучить. И эти двое взяли бы меня тепленьким, со спущенными штанами.

Нет, ну каково самомнение!

– Да нужен ты им, – огрызнулась я. – Они за мной пришли. Испугались, что я сбежала.

– Конечно, услуги магов-наемников так дешевы, что можно отправлять их охотиться за кем попало, например, за трактирной девкой!

Я дочь трактирщика, а не трактирная девка, баран ты самовлюбленный! Можно подумать, ты больно важная шишка! Балованный сынок, которого папенька-то признавать не торопится, сколько бы ни болтали!

– Короче, – Альбин снова взял меня за подбородок, заглядывая в глаза. – Хочешь умереть быстро – говори, кто тебя послал. Понятно, что сэр Роберт Иден, но не сам же он явился в ваш трактир. Я хочу знать, кто из моих людей ему продался, и что обещали тебе за то, что выманишь меня из замка без сопровождения. Да и вообще, откуда ты такая взялась.

Слушай, ну в твоём возрасте пора бы и знать, откуда дети берутся, тем более что ты, судя по всему, подобными вещами не пренебрегаешь. Даже странно, что полдеревни чернявых детишек не бегают.

– Ниоткуда она не взялась, – внезапно пришел мне на выручку тот, что меня изловил. Джек, вспомнила я. – Всегда была. Батя им в трактире крышу чинил, когда я вот таким, – Он показал ладонью расстояние от земли до пояса, – бегал, а я помогал. И девку эту помню, крепко она мне, шкету, в душу запала. Я тогда думал, ангел, – он гоготнул. – Взгляд ясный такой, и говорит как по писаному.

А ведь я его тоже помнила. Вихрастого, уже еще не подростка, но и не совсем ребенка. И вовсе не «таким» он был, рослый парень, а сейчас и вовсе здоровенный. Как и все спутники Альбина. Как и сам он.

- Ты подарил мне «куриного бога», - сказала я.

«Подарил» - это, пожалуй, слишком громко. Подбежал, схватил за руку, сунул мне в ладонь нагретый от его собственного тепла камешек и убежал, так ни слова и не сказав. Даже не помню, познакомили ли нас.

Джек снова ухмыльнулся.

- Выбросила поди?

- Потеряла.

Он пожал плечами, дескать, ничего иного и не ожидал.

- Говорит как по писаному, - задумчиво повторил Альбин. - И что, никому не интересно, кто ее мог научить? Никто не услышал разницы между речью деревенских девок и ее, а услышав, не задумался?

- Да кто больно слушал-то? - растерялся Джек. - Трактир на отшибе, там из деревенских, почитай, и не бывает никто. Отец ее, правда, захаживал в деревню, в церковь, само собой, всей семьей, но больно много не разговаривали... поди, от купцов нахватались, те люди ученые.

Отчасти действительно от купцов. Человек, умеющий править кораблем, должен быть как минимум образованным. И те, кто приходили посуху, часто отличались от наших деревенских соседей не только манерой одежды, но и речью. Однако отец говорил, что его, бирюка деревенского, человеком сделала мать Евы. Я не слишком верила, что какие-то пять лет могут сильно изменить манеры и говор: Фил, вон, до сих пор порой срывался на просторечный жаргон. Но отец Евы действительно старался говорить правильно и наставлял остальных детей. Имоджин разговаривала вовсе не так, как он, хотя и старалась подражать мужу.

- Еще скажи, что читать умеешь? - ухмыльнулся Альбин, разглядывая меня.

- А как, по-твоему, постояльцев рассчитывать? - огрызнулась я. - Запоминать, что ли, кто из дюжины сколько съел и выпил за вечер и за утро?

Не стоило, наверное, так себя вести, да и «тыкать» – но сохранять вежливость с человеком, который так себя со мной вел... Он же сказал: повесит – при этой мысли в желудке свернулся ледяной ком – так что и терять нечего.

– В деревенской таверне хозяин запоминает, – в тон мне ответил Альбин.

– Значит, у меня память девичья. Я записываю.

Выцарапываю на дощечке, залитой воском, если уж на то пошло. Бумага дорога, да и откуда ее добудешь в деревне?

– Девичья память – удобная отговорка, – ухмыльнулся Альбин. – Но если не вспомнишь сейчас, придется вспоминать под кнутом. – Он провел кончиками пальцев мне по щеке, спустился на шею. – Жалко будет портить такую кожу.

Меня снова затрясло.

– Нечего вспоминать! Меня никто не нанимал! Я ничего не знаю. Не знаю никакого сэра Роберта как-его там! Я не убийца!

– Не знаешь младшего брата своего лорда? – ухмыльнулся Альбин.

– Да откуда мне? Это ваши, господские дела!

В самом деле, по большому счету я и имени герцога не знала. Можно подумать, кто-то из простонародья осмелился бы называть его по имени. «Ваша светлость. Господин» – это для тех случаев, когда он милостиво соизволит говорить, вдруг задав какой-то вопрос, что на моей памяти не происходило ни разу. Герцог или лорд – для разговоров между собой.

А уж родословная герцога вовсе никого не интересовала. Альбин – другое дело, Альбин был из тех, кто от рождения должен был месить грязь, а взлетел, и потому неизменно вызывал нездоровое любопытство, смешанное с черной завистью. Меня же его дела вовсе не касались.

«Держись подальше от господ, – не уставал твердить нам отец. – Для них людские жизни дешевле медной осьмушки».

«А как же мама? – спросила как-то Ева. – Она же тоже...»

«Разве с ней господа хорошо обошлись?»

Тогда Ева не знала, что простые люди обошлись бы с опозоренной дочерью не лучше. Впрочем, разве отец не оказался прав? У Гильема были холеные руки, совсем не такие, как у его людей. Тоже явно из господ. Если бы отец, вопреки собственным поучениям, с ним не связался, Еве не пришлось бы идти к Альбину. А мне сейчас – не пришлось бы обмирать от страха в ожидании пытки и казни.

– Если ты не убийца и господские дела тебя не интересуют, зачем пришла ко мне? – продолжал настаивать Альбин. – Почему эти двое торчали в лесу? Зачем ты им сдалась, если, как утверждаешь, они охотились не за мной?

– Чтобы я не сбежала, не расплатившись с их хозяином. Мне нужны были деньги, – в который раз повторила я. – Заплатить отцовские долги. Это люди его кредитора.

– Значит, отец тебя подослал ко мне?

– Отец умер. Месяц назад.

– Правда, – подтвердил Джек. – В деревне только и разговоров было, как бы вдовушку утешить. – Он показал неприличный жест. – И баба справная, гладкая, и трактир. Девка-то поперек слова сказать не посмеет, тихая.

– Тихая? – ухмыльнулся Альбин. – Оно и видно.

Он снова обратился ко мне:

– И ты решила под шумок попросить у меня побольше, чтобы окупить заодно и свой позор?

Я помотала головой, в который раз залившись краской.

– Нет. Только долг. Себя и семью я прокормлю.

– Серьезная сумма даже для меня. Кому мог столько задолжать трактирщик? И зачем? Вы с золота и серебра, что ли, постояльцев кормите? Я что-то не заметил, когда у вас был. Похлебка добрая, и чисто, а так все то же, что и в деревенской корчме. Тамошнему хозяину столько денег разве что во сне может присниться, так зачем они твоему отцу понадобились?

Наверное, стоило поберечь репутацию отца, подумать о том, что трактир могут вовсе конфисковать как нажитое преступным путем добро, и тогда младшим тоже конец. Но я прекрасно понимала: если Альбин исполнит угрозу и велит выбить из меня информацию о своих якобы убийцах, я все равно расскажу и о Гильеме, и о контрабанде просто потому, что больше мне рассказать нечего. Так что я колебалась недолго.

– Человека, которому задолжал отец, зовут Гильем, – сказала я.

Я начала говорить, слова слетали с губ сами, пока разум был занят вовсе другим.

А ведь может быть, что паранойя Альбина – вовсе не паранойя. Взять этого сэра Роберта как-его-там, которого он упоминал. Младший брат лорда вполне мог смиренно ждать, пока старший, зачинавший одних дочерей, отойдет в мир иной и замок с титулом и землями перейдет к нему, оставшемуся без наследства из-за майората. Но если герцог усыновит бастарда, Альбин тоже станет герцогом, а после смерти отца получит земли и изрядную долю золота. Вернет мачехе приданое, отправив к ее родне, сплавит не успевших выйти замуж сестер в монастырь и будет себе жить-поживать на зависть дяде.

В нашей реальности, если я правильно помню, английские законы запрещали усыновлять внебрачных детей, но здесь история, видимо, пошла немного по иному пути.

– ... и потому я решилась предложить тебе сделку, – закончила я и снова залилась краской под внимательным взглядом Альбина.

– Гильем, значит, – задумчиво произнес тот. – Есть в окружении сэра Роберта один Гильем. Как он выглядел?

Я растерялась, хотя в памяти Евы отчетливо отпечаталось лицо жуткого гостя.

- Обычно. Светлые волосы, светлые глаза, очень светлые, почти прозрачные.

Да тут у каждого первого светлые волосы и светлые глаза. Даже такой темный русый, как у меня встречается нечасто, а уж Альбин с его южной внешностью и вовсе выглядел вороном, невесть как затесавшимся в стаю голубей.

- Рост... наверное, на полголовы выше меня... Сложен обычно...

В том и дело, что этот Гильем был обычным. В свите герцога затерялся бы. Среди деревенских - нет, осанка господская, и выражение лица.

- Сам обычный и глаза прозрачные, говоришь, - задумчиво произнес Альбин. - Может и тот, а может, и нет. - Он подумал еще и решил: - Скорее всего, совпадение, имя нередкое. Фамилию ты, само собой, не знаешь?

Я помотала головой: не знаю. Неужели поверил? Господи, хоть бы поверил! Плевать на деньги, живой бы убраться!

Глава 7

Выбраться бы живой из этой передряги, а там разберусь, что делать. Не далее чем полчаса назад я думала наоборот: лучше смерть, чем рабство. Но от Гильема я, может, еще и удеру, или, если очень-очень повезет, он сам утонет. Он отплыл в тот же вечер, после разговора с Евой, море сурово и коварно, многие не возвращаются. Альбин же - вот он, и от него-то мне точно сейчас не удрать.

- А я говорил, что нечисто с этим трактиром! - воскликнул вдруг он. - И с чего корчемщик деревенский вдруг свое дело продал и решил отстроиться на пустыре, никто не знает...

- Так сколько лет прошло, кто ж сейчас помнит? - пожал плечами все тот же Джек.

– У всех тоже память девичья, как у нее? – мотнул головой в мою сторону Альбин.

Интересно. Значит, мама повстречала отца вовсе не в нашем трактире, а в деревенской корчме? Похоже, та версия семейной истории, которую знала я, слегка отличалась от реальной. Отец перебрался на мыс, решив кормить не деревенских, которые приносили бы постоянный и верный доход, а проезжих людей? Тоже неплохой заработок, учитывая, что в Бернхем стекаются за товарами с половины страны, но все же менять синицу в руках на небесного журавля очень несвойственно отцу. Интересно, очень интересно. Жаль, спросить теперь не у кого, как оно все было на самом деле.

– А господин от меня отмахнулся! Налоги платят исправно, почти за два десятка лет ни разу не задерживали, так и нечего от добра добра искать.

Господин? Альбин называет отца господином? Пожалуй, и к лучшему, что я не знаю своих титулованных родичей. Или это только при людях?

– И я тоже хорош, мог бы раньше заинтересоваться, – не унимался Альбин.

Так, значит, он тогда не просто так заезжал? А вот это плохо. Если капитан герцогской стражи со своими людьми заглянул в наш трактир, что-то заподозрив, он теперь и от меня не отвяжется. И как прикажете сбегать при таком раскладе? Ладно, об этом я подумаю потом. Бог не выдаст – свинья не съест. Хотя слово «свинья» подходило разве что к характеру Альбина, внешне он... черный барс. Хищный и грациозный. С другой стороны, с той поры прошло полтора месяца, и если за это время он не удосужился вернуться, глядишь, и сейчас найдет дела поважнее, чем меня караулить.

Альбин встал, окинул взглядом своих.

– Джек, скажи, в деревне люди пропадают?

Тот пожал плечами.

– Пропадают, как и всегда. Море свою дань не забывает. Да и лес...

Он не договорил, но ухмылка Альбина показала, что тот все понял. Даже в сытые годы находились молодцы, считавшие за доблесть натянуть нос господину, а уж в голодные... Но в лесу и заблудиться несложно, и хищники.

- Дам тебе три дня вольных, повидай родителей. Приятелей старых не забудь, к родне в соседних деревнях загляни. Потом по годам расскажешь, когда, где и кто пропал.

- Понял, господин.

Ну надо же, а на вид этот Джек увалень-увальнем. Я бы его и не вспомнила, если бы руки не тянул куда не просят и сам былое не помянул.

- Завтра с утра поедешь. Пока идите, погуляйте там, я позову, когда понадобится.

Все трое молча поклонились и двинулись туда, где паслись кони, привязанные за поводья к поваленному бревну. Я ошарашенно посмотрела вслед стражникам. Зачем отослал людей? Что ему еще от меня надо?!

Альбин, меж тем, снова сел, не боясь испачкать шелковые штаны.

Полуобернулся ко мне, уперевшись одной рукой в землю, а другую уронив на поднятое колено.

- Ты уверена, что твой отец задолжал ровно столько, сколько утверждает этот Гильем? Он показывал расписки или что-то типа того? Отец ведь умел писать? Иначе кто бы научил тебя?

Я выдохнула. Всего лишь узнать подробности дела без лишних ушей.

- Отец умел писать. - Я задумалась, перебирая воспоминания Евы. - Нет, никаких расписок Гильем не показывал. Но купеческое слово...

- Купеческое, - усмехнулся Альбин. - Контрабандист - не честный купец.

Конечно, с теми налогами, которые установил его величество... - Он осекся. -

Словом, я бы не верил на слово тому, кто совершенно точно уже обманул, пусть не тебя, а корону.

Сравнил! Кто ж не обманывал корону! Но, с другой стороны, я действительно не видела никаких расписок. Не может ли быть, что мне, в смысле Еве, навешали на уши лапши, а та, привыкнув верить людям, купилась?

Снова заныл ожог, я машинально коснулась его, поморщившись. Обманул Гильем Еву или нет, но угроза была нешуточной. И она никуда не делась, больше того, из-за меня погибли два человека Гильема. Ева и не знала, что он оставил кого-то за ней присматривать, сам-то уплыл, дела не ждут.

- Что такое? - поинтересовался Альбин.

Я мотнула головой, давая понять, что ничего серьезного. Не до того пока было, мысли скакали в голове, и я никак не могла их упорядочить.

Можно ли мне возвращаться сейчас домой? Не просто можно, но нужно, там же младшие. Что с ними сделает Гильем, когда вернется, и узнает, что я исчезла, а те, кто должен за мной присматривать, мертвы? Узнает ли он, что они мертвы? Если стражники бросят тела как есть - узнает, о двоих пришлых посреди дороги, убитых то ли молнией, то ли магией, будет судачить вся округа. Свяжет ли он эти смерти со мной? Непонятно. С одной стороны, я определенно не маг: даже если бы мамина магия во мне проснулась, учить некому. И я тем более не воин, а эти двое - воины-маги, иначе бы Альбин не счел их опасными для себя даже в ситуации «застали без штанов». С другой - если его телохранители расскажут приятелям о случившемся, слухи дойдут и до Гильема, когда он вернется, даром что он не местный.

Альбин стремительно наклонился, и прежде чем я успела отпрянуть, ухватил за запястье, потянул на себя так, что я едва не свалилась. Бесцеремонно задрал мне рукав, присвистнул, глядя на покрытую желтыми разводами повязку.

- Покажи-ка.

Он попытался развязать узел, но едва выпустил запястье, я отдернула руку. За все прошедшее время Ева ни разу не трогала повязку, мылась, стараясь не мочить предплечье. Даже думать не хотелось о том, каково будет отдирать прилипшую к ожогу ткань.

Ева вообще мало что понимала в лечении. Намазала ожог толстым слоем жира, чего вовсе нельзя делать, замотала льняной тряпицей – вот и все. С другой стороны, откуда бы ей знать, как следует обращаться с ожогами? Это у меня мама врач, а она свою не помнила.

Я попыталась встать, но Альбин снова сцапал меня одним стремительным хищным движением.

– Отпустите, пожалуйста, – взмолилась я. – Там нет ничего страшного.

Он уже помог так, что теперь хоть в омут. Ну да, те бы двое просто так бы меня не отпустили и, возможно, только вмешательство людей Альбина уберегло меня от насилия. Только и он не облако в штанах, неизвестно, какой платы за помощь потребует, и Гильем за смерть своих людей отыграется.

– Обожглась, на кухне это бывает. До свадьбы заживет.

Он хмыкнул, до меня дошло, что именно я брякнула, и лицо снова запылало. Что ж ты будешь делать! Как бы отвязаться от него под любым благовидным предлогом? Не к добру этот внезапный интерес. Не повесил – на том и спасибо, и пусть вообще забудет о моем существовании. И я постараюсь о нем забыть, хотя забудешь такого, как же!

– Угу, проверяла, насколько горяча кочерга, – хмыкнул он. – Покажи, тебе говорят! И даже не думай удрать, догоню – хуже будет.

– Еще хуже? – не удержалась я.

В самом деле, кроме тех проблем, что уже были, прибавилось ненужное внимание герцогского сынка. Денег я так и не добыла. Два трупа, вину за которые могут повесить на меня. А последние вопросы Альбина наводили на мысль – даже если каким-то чудом и достану нужную сумму, она мне не слишком поможет. Этот Гильем из тех, кто чует беззащитность, точно акула каплю крови в морской воде, и как та акула не остановится, пока не сожрет. Вполне может быть, что и найдись у Евы деньги, свободу она все же потеряла бы. Просто потому, что Гильем может продать ее приятелю, а деньги не пахнут. Вступиться-то некому.

Но вместо того, чтобы паковать вещи и обдумывать план побега, я сижу тут с человеком, который точно так же волен сделать со мной и младшими все, что ему заблагорассудится. И мету языком, когда следовало бы его придержать.

Или есть кому вступиться? Господам нет дела до наших бед. И герцогская стража защищает не людей, живущих на этой земле, а землю и самого лорда от посягательств тех, кто равен ему силой. Но Альбин уже заинтересовался и контрабандой, и Гильемом. Вдруг настолько сильно, чтобы вмешаться, и тогда два хищника сожрут друг друга?

Но что станет с моей семьей, когда она окажется между двумя кликами магов, выясняющих отношения? Надо хватать младших и пристраивать их у родичей любой ценой. Глядишь, пока мы прячемся, Альбин и разберется с контрабандистами.

В ответ на мое «еще хуже» Альбин снова неопределенно хмыкнул, и я сжалась, ожидая вспышки гнева. Но он молча разматывал повязку, пока не остался последний слой, намертво присохший к ране.

– Подожди минуту. – Он встал и направился к лошади, привязанной неподалеку. Его люди сидели кружком там же, о чем-то едва слышно переговариваясь и, казалось, вовсе не обращали внимания ни на меня, ни на своего господина.

Я взялась за край бинта, раздумывая, не сдернуть ли его махом, чтобы не мешался, и не рвануть ли прочь. Мало ли чем там Альбин грозился, пусть сперва догонят, по кустам не больно-то поскачешь.

Нет. Никто и не будет гоняться за мной по кустам. Просто доедут до трактира раньше, чем я туда добегу. Альбин дождется меня у моего дома и даст волю гневу. Значит, придется вытерпеть его любопытство. Или все-таки попытаться подбить его заняться Гильемом? Как это сделать?

Альбин вернулся с небольшим мешком. Достал серебряную, богато инкрустированную флягу. Любопытно, зачем он ее с собой вез, наверняка ведь знает, где в этом лесу родники. Развязал тесемку вокруг кожного кружка, накрывшего горлышко фляги, выдернул пробку. Звук раздался, будто вытащили застрявший палец из пустой бутылки. Но прежде, чем я успела задуматься, зачем возить с собой флягу без воды, Альбин повел ладонью над горлышком и

внутри негромко плеснуло.

Интересно, ему нужен был сосуд, чтобы призвать воду, или так просто удобнее потом с ней обращаться?

- Пить хочешь? – поинтересовался Альбин.

- Спасибо, нет.

Он отхлебнул пару глотков, смерил меня насмешливым взглядом.

- А теперь?

А теперь уж точно нет, иначе решит, будто я боялась, что он меня отравит. Впрочем, Альбин и не стал дожидаться ответа. Снова взял меня за руку, плеснул немного воды на повязку.

- Посиди, пусть отмокнет.

Мне снова захотелось себя ущипнуть. Эта спокойная забота настолько не вязалась с глумливо-циничным Альбином, который едва не изнасиловал меня при своих телохранителях, просто чтобы проучить, что мне опять на миг показалось, будто я схожу с ума. Задрожали руки, и он это заметил. Плеснул еще воды и негромко произнес.

- Не бойся, больно не будет. Не нравится мне, что повязка промокла на всю толщину, больше похоже на гной, чем на сукровицу. И краснота вокруг нехорошая.

- Вы чересчур заботливы, милорд, – прошептала я, не в силах справиться с голосом. – Ожог не стоит вашего беспокойства.

Разум отказывался что-либо понимать. Несколько минут назад этот человек угрожал выбить из меня информацию кнутом, отдать поиграться своим людям и повесить. А сейчас ведет себя так, будто ему не все равно, что со мной станет. «Больно не будет», видите ли. Или это такое утонченное издевательство? К тому же он снова оказался слишком близко, при одной мысли об этом меня в который раз обдало жаром. Не смея поднять глаз, я уставилась на повязку – легче не стало, смуглые пальцы Альбина слишком уж выделялись на моем бледном предплечье.

– Какой я тебе лорд?

Что-то прозвучало в его голосе такое... слишком уж человеческое, слишком горькое. Как будто Альбин до сих пор не смирился с собственным положением. Многие были бы счастливы оказаться на его месте: обычно судьба незаконных детей вовсе никого не беспокоила. А ему, похоже...

Ох, да что мне за дело до его переживаний и надежд!

– Как же мне к вам обращаться?

– Минут пять назад кто-то говорил мне «ты»..

– Прошу прощения, я не хотела вас...

Я не договорила. Альбин осторожно отлепил отмокшую повязку от моей кожи, и я снова почувствовала, как подступает дурнота. Стоило увидеть, во что превратился ожог, как он одновременно и заболел и зачесался.

– Если вдруг снова доведется обжечься, ни в коем случае не мажь жиром. Опустить руку в колодезную воду. – Моего непрошеного врача, кажется, не впечатлило открывшееся зрелище. – Надолго, на четверть часа. Вода заберет избыток жара, и ожог будет не такой глубокий.

– Откуда ты знаешь? – вырвалось у меня. Мама, мама Ирина, говорила то же самое. Охладить, и не пару секунд, а долго, но прохладной, а не ледяной водой и не льдом. – Прошу прощения, милорд.

– Еще раз назовешь меня лордом, и я точно разозлюсь, – небрежно заметил Альбин и добавил: – После боя сил на заживляющие заклинания обычно нет, а целители заняты теми, кому куда хуже. Так что приходится пользоваться простыми средствами.

Боя? Когда и с кем? Я покопалась в памяти Евы, но ничего конкретного не нашла. Ее жизнь крутилась вокруг трактира да ближайшей деревни. От купцов она слышала про другие страны, но происходящее там для нее было так же актуально, как для меня – возможная цивилизация на Альфе Центавра. Что до свар между господами – так паны дерутся, у холопов чубы трещат, неважно, кто на кого войной пошел, самих не коснулось – и ладно.

– Как будто держали раскаленной рукой, – заметил он, продолжая разглядывать рану. Это Гильем?

– Да, – не стала спорить я.

Альбин прошипел сквозь зубы ругательство, которое я предпочла не услышать: все равно не поверю, будто его проняло. Достал из мешка что-то, похожее на клок спутанных ниток, и небольшой кожаный чехол, положил рядом с флягой.

– Кажется, я поторопился, пообещав, что больно не будет. Пузыри надо вскрыть и гной убрать, иначе и магией не залечить. Постарайся не дергаться слишком сильно, и ори, если хочешь.

Я окончательно перестала хоть что-то понимать.

– Зачем вы со мной возитесь, ми... прошу прощения, господин. – Я зажмурилась прежде, чем гневный взгляд обжег меня, да так и не стала открывать глаза. Не хочу я смотреть, что он там делает.

– Может, мне скучно. А может, не нравятся однорукие красавицы. – Его пальцы сильнее стиснули мое запястье.

– Вы обещали меня повес-с... – Я втянула воздух сквозь зубы. Выдохнула. Неприятно, что уж там, но орать повода нет. – Так какая разница, болтаться в петле с обеими руками или с одной?

– Я грозился, а не обещал. И можешь говорить мне «ты», я не против.

Руки коснулось что-то мягкое и холодное, кожу защекотали бегущие капли, снова засаднил ожог, но мне было не до того. Глаза распахнулись сами, я вытаращилась на Альбина. Я, значит, уже успела представить во всех деталях и кнут, и собственное тело в петле, а он... просто пугал? Пожалуй хорошо, что у меня не хватило слов, чтобы высказать этому... этому... все, что я о нем думаю. Все-таки он по-прежнему оставался сыном герцога, а я – дочерью трактирщика.

Альбин зыркнул черными глазищами и рассмеялся. Я задохнулась от злости, но прежде, чем дар речи вернулся, в руке что-то закопошилось. Ойкнув, я уставилась на предплечье и снова забыла все слова— теперь уже от удивления. С краев ожога к центру наползала свежая кожица: ярко-розовая, неровная: похоже, шрам все же останется, но...

– Когда заживет, будет рубец, все-таки я не целитель, – подтвердил мои мысли Альбин. – Пару дней почешется, в это время молодую кожу легко повредить, так что вернешься домой, чтобы снова не поранить, завяжи. Только чистым, а не этим. – Он брезгливо покосился на оставшуюся в траве тряпку. – И в самом деле до свадьбы заживет.

А когда отец Евы умолял его вылечить Имоджин, суля любые деньги, не согласился. Потому что отец не походил на молодую симпатичную девицу? Или я тороплюсь подумать об Альбине плохо, чего-то не понимая? Мой папа как-то обмолвился, что не бывает «тыжврача», специалиста любого профиля: он, хороший врач «скорой», не рискнул бы заменить, к примеру, поликлинического гастроэнтеролога. Потому что нет «лечения вообще»: разные болезни требуют разных подходов.

Или я сейчас, наоборот, хочу найти оправдание для сына герцога?

Альбин в который раз белозубо улыбнулся и придвинулся ближе. Пальцы скользнули под косу на затылке, и его лицо оказалось совсем рядом.

– А это я возьму вместо платы за лечение.

В этом поцелуе, в отличие от первого, не было злости. Альбин играл со мной, как кошка с мышкой, то сминая, прихватывая мои губы своими, то едва касался,

давая вдохнуть. Едва я успевала опомниться, он снова вторгался языком, дразнил, теребя зубами, ласкал, зализывая укус. Не знаю, как долго это продолжалось, пока он наконец не отстранился. Я обнаружила, что сижу у него на коленях, прильнув всем телом, а его руки обосновались у меня под юбкой, хорошо хоть не между ног.

Я охнула. Альбин хищно улыбнулся. Кажется, он хотел что-то сказать. Что-то гадкое и пошлое но не успел он открыть рот, как я вскочила и ринулась прочь.

Дыхания не хватало, ноги путались в юбках, ветки хлестали по лицу, но мне было плевать. В груди жгло – то ли от стремительного бега, то ли от обиды. Понятно, почему он так себя ведет – просто привык получать кого захочет. Но почему я едва не позволила ему дойти до конца? Да что там, еще немного, и я сама бы на него влезла!

Воздух в легких кончился, я остановилась, опираясь о сосну. Кое-как отдышавшись, снова выбралась на дорогу. Точно издеваясь, неторопливо застучали копыта, и в каком-то десятке метров от меня появился абрикосовый конь с ухмыляющимся всадником.

Я всхлипнула. Да оставит он меня в покое или нет? Тряхнув головой, развернулась и зашагала вперед. Бегай не бегай, а все равно нагонит.

– Ты снова забыла, – поравнявшись со мной, Альбин тряхнул сумкой. Его люди следовали поодаль: на расстоянии видимости но так, чтобы ничего не слышать.

– Вы очень любезны, милорд, – буркнула я, забирая Евину вещь.

– Я же просил... – Угроза, прозвучавшая в его голосе, заставила меня поежиться.

– Я, может, тоже просила оставить меня в покое, – проворчала я себе под нос.

– Разве? – ухмыльнулся Альбин. Демонстративно постучал себя по уху. – Я, наверное, не расслышал.

– Зачем? – не выдержала я. – Зачем ты меня преследуешь? Что, мало симпатичных вдовушек в округе? Они и поумелей будут в таких делах. Далась

тебе я!

Он спрыгнул с седла, зашагал рядом, ведя коня в поводу.

- Ты сама привлекла мое внимание, так чего теперь жалуешься?

Я ругнулась.

- Прошу прощения, я снова не расслышал.

- Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь, – вспомнила я бессмертное.

Альбин рассмеялся.

- Сама придумала?

- Нет. Отец часто повторял, – соврала я.

- Неглупый человек, кажется, был твой отец. А с виду и не скажешь.

Я пожала плечами.

Какое-то время мы шли молча. Деревья начали редеть, стал слышен собачий лай, пахло дымом и навозом. Я остановилась.

- Господин...

Он покачал головой и улыбнулся краем рта.

- Альбин... – Имя обожгло язык. – Пожалуйста... Если деревенские увидят меня рядом с тобой, в эту же ночь в наш трактир будут ломиться все неженатые парни и половина женатых. Потому что раз позволила одному – значит, можно взять всем.

– Тебе стоило об этом подумать до того, как пришла ко мне, – небрежно заметил он.

Я опустила голову, щеки налились горячим свинцом.

– Я думала только о долге, будь он неладен. И все же, если в тебе есть хоть капля человечности... Может быть, я и заслужила позор. Но у меня две сестры, и они вовсе ни в чем не провинились.

Альбин смерил меня долгим задумчивым взглядом.

– Полезай в седло.

Он издевается?

– Сядешь передо мной, накинута заклинание отвода глаз, никто не обратит на тебя внимания.

А просто оставить в покое никак? Видимо, это отразилось у меня на лице, потому что мужчина снова ухмыльнулся.

– Полагаешь, если пройдешь по деревне в таком виде, как сейчас – встрепанная, с травой в волосах, расцарапанным лицом, с губами, раскрасневшимися от поцелуев, никто не подумает, будто ты только что вылезла из сеновала?

Я спрятала лицо в ладонях, мечтая провалиться сквозь землю.

– Полезай в седло, говорю. – Альбин взлетел на коня и протянул мне руку. – Опирайся о стремя, я подсажу.

– А нельзя просто накинута это самое заклинание? – пролепетала я, особо ни на что не надеясь. Упустит он возможность поиграть, как же!

– Нет. Заклинание отвода глаз действует только на самого мага. Так что тебе придется ко мне прижаться, кожа к коже.

– Ты меня разыгрываешь?

– Я же не говорю «раздеться», – пожал плечами он. Лицо оставалось серьезным, но в глазах прыгали смешинки. – Обнимешь за шею или возьмешься за запястье. Хотя не знаю, что тебя смущает после того заманчивого...

– Хватит! – вскрикнула я. С ветки слетела испуганная сорока. – Спасибо за... за все, я, пожалуй, обойду деревню лесом.

Да, так я и поступлю. Заодно и от него избавлюсь, не будет он коню ноги ломать по кустам да бурелому. Мне нужно отправить младших к родичам и решить, куда спастись самой. Альбину явно плевать, что с нами будет, а, может, и вовсе держит меня как приманку, с которой можно заодно поразвлечься.

– Не дури, я же вижу, что ты едва на ногах держишься, – неожиданно спокойно и серьезно сказал Альбин. – Обещаю, что не позволю себе лишнего. Придержу за талию, не более. Ну и насчет запястья или шеи я не врал.

Как будто этого мало! Не успела я отказаться повторно, как Альбин свесился с седла, схватил меня за плечо, вздернув его, второй рукой подхватил за талию, непонятно каким чудом не потеряв равновесие. Я и пикнуть не успела, оказавшись в седле и боком прижимаясь к Альбину. Одна нога лежала поверх его бедра, вторую пришлось перекинуть через высокую переднюю луку, благо, юбка была достаточно широкой. Конь шагнул с места, я качнулась – посадка оказалась безумно неустойчивой – и вцепилась во всадника, обхватив его поперек груди.

Глава 9

– Держу, – его рука обвила мою талию. – Вот видишь, ничего страшного.

Ну да, ничего страшного, если не считать, что сердце то ли подпрыгнуло к горлу, то ли провалилось в низ живота.

– Кожа к коже, – напомнил Альбин, и уже знакомые хриплые нотки в его голосе словно провели бархаткой под одеждой.

Я неровно вздохнула. Следовало отпустить одну руку и поймать его запястье, но под ногами не было никакой опоры, и я чувствовала себя словно на непрерывно качающемся насесте, так что разжать объятья казалось невозможным даже несмотря на то, что рука Альбина по-прежнему крепко обвивала мою талию. Поэтому все, что мне оставалось – ткнуться лбом в его шею над вырезом ворота.

Зря я это сделала. Слишком близко. Слишком... Все было слишком. Запах его кожи, шелк под моими руками, нагретый теплом его тела. Прикосновение его щеки к моему виску.

Не знаю, обратили ли на нас внимание в деревне. Я вовсе ничего не замечала, кроме стука собственного сердца да биения жилки на его шее.

– Все, – хрипло произнес Альбин.

Я отстранилась, не зная, куда девать глаза.

– Отпусти меня, пожалуйста.

– Довезу уж, – хмыкнул он. – Чего ноги будешь бить. И насчет моих парней не беспокойся, руки тянуть не будут, и если кто рот откроет – сам язык вырву.

– Спасибо, – прошептала я. Вспомнила еще кое-что. – А про людей Гильема?

– Каких людей? – Он изобразил недоумение. – Тех двоих, что решили поохотиться в господском лесу именно тогда, когда там проезжал капитан замковой стражи с охраной? Браконьеров, на которых даже веревку тратить не стали? Только ветер пепел унес.

Облегчение накрыло меня, кажется, из тела исчезли все кости, и я, всхлипнув, снова ткнулась лицом в шею Альбина. Если никто из четверых не проболтается, со мной Гильем пропажу своих людей не свяжет. Хотя разозлится, конечно.

В следующий миг я спохватилась. Шарахнулась, и улетела бы с коня, если бы Альбин по-прежнему не держал меня.

- Простите, я...

Альбин усмехнулся, но, на мое счастье, решил в этот раз меня не дразнить. Какое-то время мы ехали молча, я пыталась собрать разбегающиеся мысли, о чем думал Альбин, знал только он сам. Мало-помалу волнение отступило, навалилась усталость. Слишком много переживаний для одного дня.

- Вчера гонец привез очередной королевский указ, - заметил вдруг Альбин словно про себя. - Теперь бродяг должно не клеймить, а вешать.

Я вздрогнула. Альбин снова замолчал, будто не заметил моей реакции.

Вешать! Впрочем, я же не собираюсь бродяжничать. Я собираюсь устроиться у родни...

«Да какого лешего? - вдруг подумалось мне. - Почему я должна бежать, бросив дом, где я выросла, прятаться от властей и просить милости у чужих людей только потому, что какой-то мерзавец решил, будто на него нет управы? Почему я должна унижаться, добывая деньги, если это все равно не поможет?» Чем дольше я размышляла, тем сильнее крепла уверенность: заплати шантажисту один раз, и будешь платить всю оставшуюся жизнь.

Да, трем девчонкам и парню нечего противопоставить команде взрослых мужчин, среди которых как минимум один маг. Да, мне не стоит надеяться, что Альбин и дальше будет меня прикрывать. Он заинтересовался Гильемом, это заметно, но преследует какие-то свои интересы, а лес рубят - щепки летят.

Но почему мы должны защищаться сами, если есть люди, которые живут тем, что продают свое умение сражаться? Если даже у капитана замковой стражи есть телохранители, почему я не могу нанять в трактир охрану? Вот только по карману ли мне это?

- Сколько людей обычно плавает на одномачтовом корабле? - спросила я у Альбина.

– Ходят, – поправил он. – На корабле ходят. Дюжины две-три, а что?

Немало. Но, наверное, не все они способны выступить в роли абордажной команды. Люди с нужными знаниями, вроде штурмана или лоцмана, на рожон не полезут.

– А сколько могут стоить услуги мага-наемника? – продолжала расспрашивать я. – Или простого наемника, без магии? И где и как нанимают таких людей?

– В Бернхеме. – Во взгляде Альбина промелькнул интерес. – Маги-наемники обычно просят от двенадцати пенсов в день. Обычные наемники – примерно шесть пенсов в день каждому, если еда, выпивка и вооружение их собственное.

Недешево. Дюжина кур или новые туфли за одного наемника без магии. Но это если кормиться он будет сам, а еды у нас полный погреб, и эль, и пиво. Огород и курятник на заднем дворе. Прокормлю. Но все равно дорого, еда же не с неба в погреб падает. Двенадцать на двадцать четыре... Моих сбережений едва-едва хватит на день.

Стоп, но мне ведь не нужен отряд магов, равный по численности экипажу корабля! Таким, поди, можно и замок штурмовать. Мне нужно, чтобы Гиойм перестал считать нас легкой добычей. Чтобы, получив отпор, задумался, стоят ли четверо потенциальных рабов того, чтобы терять проверенных людей в бою? Особенно когда двое уже погибли от рук людей лорда. Одно дело – сражаться за золото, другое – за живой товар, за которым не доглядел – и получил не товар, а труп.

Возможно, наемника-двух я смогу себе позволить, особенно если Фил поможет.

Возможно, у меня появилась надежда.

Значит, надо еще раз пересчитать наши с Филом сбережения и вместе с ним отправиться в город искать наемников. Нужен мужчина или хотя бы парень в сопровождающие, одинокую девушку в лучшем случае проигнорируют. Если женщина без сопровождения сунется к кому-то вроде наемников, разговаривать станут разве что с уважаемой вдовой, но на уважаемую вдову с хорошо набитой кубышкой я не тяну. Да и вообще по городу лучше одной не шастать.

Конечно, стоило бы заниматься подобными делами не с Филом в качестве сопровождающего, а с кем-нибудь взрослым, кто мог бы и защитить, и поговорить, и договориться. Да где ж такого возьмешь? Я покосилась на Альбина и отогнала эту мысль. Как будто у капитана замковой стражи больше дел нет, кроме как сопровождать дочку трактирщика в город нанимать охрану. К тому же просить его об одолжении просто опасно.

Ева, похоже, вовсе голову потеряла от страха, прежде чем решила обратиться к Альбину. Даже если бы удалось откупиться от Гильема, она бы все равно не смогла жить по-прежнему. Деревенские просто не дали бы прохода, узнав, как именно она добыла деньги, а они бы узнали, и скорее рано, чем поздно. Едва ли Альбин стал бы молчать, оберегая репутацию той, кого он купил, а слухи разлетаются быстро. К тому же он – объект постоянной зависти и злобы: и не господин, и над чернью вознесся. Но его не достать, а на его случайной любовнице отыграться можно легко и безнаказанно. Если решат, будто я спуталась с герцогским сынком, мне житья не дадут.

Попробовать договориться с Джеком, раз уж он все равно в отпуске? Пообещать процент от того, сколько он сможет сторговать с первой запрошенной наемником цены? Нет, то же самое. Он хоть и женат, мужчина молодой, сплетни пойдут мигом. Да и видел и слышал он сегодня предостаточно, чтобы счесть меня доступной. Мало ли что там Альбин пообещал лишнего не позволять, его-то «парни» ничего мне не обещали.

Наверное, лучше стоит поговорить с деревенским священником, чтобы он посоветовал мне кого-нибудь в сопровождающие. Кого-то немолодого, неглупого и нередко бывающего в городе. Я из таких знаю только корчемщика, моего прямого конкурента.

Или лучше все же не защищать трактир? Если он не приносит денег? Может быть, бросить его, но не сбежать, куда глаза глядят, а просто обосноваться в деревне?

Станет ли Гильем нападать на деревню, чтобы проучить меня? Это ведь прямой вызов лорду. Или перебравшись, я поставлю под удар и деревню?

Надо подумать. Надо очень хорошо подумать.

Купить землю у лорда я не смогу. Только арендовать, кроме платы, еще и отработывая за нее барщину два дня в неделю. Фил отродясь не пахал и в море на лодке не ходил, хотя как ставить сети знает, конечно. Научится, куда денется. И я научусь. Но арендованную землю лорд может отобрать в любой момент, решив, что ему она нужнее – и в нашей реальности подобное случилось не единожды во все времена.

Еще можно завести хозяйство: огород и скотина всегда считались женским делом.

Но ведь у меня уже есть хозяйство! Огород. Куры, кролики, отец собирался завести поросенка, да не успел, а Еве потом было не до того. Даже если трактир в самом деле перестанет приносить деньги, можно прожить этим, к тому же море под боком! Вот разве что налоги за трактир и землю, на которой он стоит... Нужно платить налоги, и яйцами и курятиной не отделаться.

А кто сказал, что у меня и потом не будет постояльцев? В конце концов, в тот ресторан, где я работала, со всего города ездили, и свободных столиков по вечерам не было!

Понятно, что человеку с дороги нужна не высокая кухня. Смогу ли сделать так, чтобы людей прельщала не перспектива незаконного заработка, а вкусная еда и удобная постель? Чтобы условия в моем трактире перевесили возможных «сговорчивых вдовушек»? Борделя у меня не будет!

– Эй, – негромко позвал меня Альбин. – Очнись!

– Да-да, спасибо, все в порядке, – не к месту ответила я.

Я не собираюсь продолжать «дело отца» и заниматься контрабандой. Мне нужен легальный доход и защита.

– Очнись! – повторил Альбин, щелкнув пальцами у меня перед носом.

Я трянула головой, приходя в себя.

– Спасибо, ты мне очень помог. А теперь отпусти меня, пожалуйста. Мне нужно подумать, хорошенько подумать, а на ходу это делать проще.

Если... Нет – после того, как Гильем поймет, что ловить у нас нечего, нужно будет сделать так, чтобы ему подобные, оказавшись у нас, видели не беззащитную семью, а полный людей и охранников постоянный двор.

– Как знаешь, – Альбин помог мне спуститься. – Надеюсь, ты собираешься думать не о том, кому еще попробовать продаться?

– Да иди... – Я выдохнула. Это не приятель и не коллега. Это опасный человек, который не намерен избавлять меня от нынешних неприятностей, но может доставить новые. – Прошу прощения, господин. Это была глупость, порожденная отчаянием. И я ни в коем разе не собираюсь ее повторять.

Альбин помолчал, пристально меня разглядывая.

– Я бы вообще не советовал тебе платить этому Гильему.

Значит, я правильно поняла: деньги меня не спасут. Жаль, что этого сразу не поняла Ева. Возможно, все было бы по-другому.

– Спасибо за совет. Я непременно им воспользуюсь. И спасибо за то, что вылечили и подвезли.

Он снова смерил меня взглядом, будто гадая, не было ли в моих словах сарказма. Не было, я действительно пришла в себя и собиралась бороться. Да, здесь ставки выше, чем дома, и жизнь в целом гораздо сложнее. Но я выкручусь. Должна выкрутиться, потому что на кону не только моя жизнь.

Глава 10

– Погоди-ка, – Альбин нагнулся с коня, схватив меня за плечо, потянулся к щеке. – Да не дергайся ты, ссадину затяну!

Я послушно замерла. Под его пальцами кожа как будто дернулась.

– И шею. Вот так. А то брат решит, что я тебя потрепал и, чего доброго, вознамерится поквитаться за честь сестры.

Он это серьезно? Да такому, как он, Фил на ползуба.

– Не хотелось бы убивать ребенка.

– Спасибо, – поклонилась я.

Может, не такая уж он и сволочь, как хотел казаться? Или просто что-то задумал?

– Ева, – окликнул меня Альбин, когда я уже двинулась прочь от него. Я обернулась.

– Да?

– Ничего не бойся.

Я растерялась, не зная, что ответить. Неужели он хочет сказать, будто намерен меня защитить?

– Все в руках божьих, – добавил Альбин. – И на все воля его.

А, это попытка утешить. Что ж, и на том спасибо. Глупо было надеяться, что сыну герцога не все равно, что станет с детьми трактирщика. И совершенно зря мне показалось, будто в нем есть что-то человеческое. Просто надоело со мной играть.

– Мама говорила «на бога надейся, а сам не плошай». – Я вежливо улыбнулась. – Но вы правы, на все воля его. Еще раз спасибо за все... милорд.

Альбин усмехнулся и развернул коня. Я не стала смотреть ему вслед, устремившись к трактиру, который уже виднелся на фоне неба.

Когда я подходила к дому, сознание словно раздвоилось. Память Евы подсказывала: она считала свой дом большим и богатым, не хуже многих городских. Я видела приземистое, хоть и двухэтажное здание.

Первый этаж заглубили, наверное, чтобы меньше камня потратить. Окна его, узкие, точно бойницы, виднелись почти над самой землей. Сейчас, погожим летним днем, они были открыты, впуская внутрь свет и воздух. Вечером или в непогоду их заложат изнутри тяжелыми ставнями, оставив лишь волоковые оконца[8 - . маленькие окошки, закрывающиеся задвигающейся доской] под потолком, чтобы выпускали дым очага.

Очаг, собственно, и дает свет. Да плюс сальные свечи, которые зажигают на столе, когда за него садится гость. На втором этаже окон и вовсе не видно снаружи, но Ева помнила, что в комнатах для гостей и в хозяйской спальне тоже были волоковые окошки, чтобы выпускать дым от углей жаровен. Черепичная крыша... Как раз ее-то и ладил отец Джека, до того кровля была из дранки.

И вот в этом Ева прожила всю жизнь, считая это роскошью? И теперь тут жить мне? Я сглотнула ком в горле: этот дом напугал меня сильнее, чем все пережитое за сегодня. На месте Альбина мог оказаться какой-нибудь зарвавшийся мажор, на месте подручных Гиойма – районная гопота, разве что без магии. Но трактир, где не было даже стекол в окнах – хотя какое «даже», их и в коридорах замка не было, насколько я успела заметить! – ясно давал понять: я не дома, и домой не вернуться никогда. Даже у бабушки в деревне... да что там, у бабушки в деревне был водопровод и септик, а здесь? Плетеный крытый загончик на заднем дворе!

Ладно. В конце концов, человек – единственное животное, которое умеет не только приспособливаться к среде, но и приспособивать среду под себя. И... я лихорадочно попыталась найти во всем этом хоть что-то утешающее. О фигуре беспокоиться явно не придется, вот! Опять же, свежий воздух, натуральная еда, морская влага, насыщенная микроэлементами, полезными для кожи, и физический труд, который, как известно, сделал из обезьяны человека. Криво улыбнувшись сама себе, я сбежала по выложенным камнями ступенькам и шагнула в трактир.

Большую часть первого этажа занимал обеденный зал, он же кухня. У стены по правую руку, рядом с дверью в кладовку – разделочный стол и полки с посудой. По центру зала очаг – выложенный камнями прямоугольник, над которым в

хорошие времена всегда висели котлы, источающие запахи съестного, или вертел с крольчатинной, или решетка с рыбой. Сейчас очаг пустовал, как и столы с лавками, расставленными вдоль стен. Девочки, наверное, в огороде, а Фил...

За моей спиной раздался шорох. Я развернулась. С лавки поднялся парень. Я не сразу заметила его, потому что свет из узких окон почти не попадал на этот участок зала и в полумраке было трудно разглядеть человека, одетого в серо-коричневую домоткань. Я узнала его сразу, хоть сама не видела никогда. Фил. Пепельные коротко стриженные волосы, на фоне которых брови и ресницы казались темными, тонкие – для парня – черты лица, светлая кожа: за весну брат успел несколько раз обгореть, но загар к нему все равно не лип.

Вот только почему он смотрит на меня, как на...

– Вернулась, шлюха? – выдохнул он и отвесил мне пощечину.

В голове зазвенело, я отшатнулась, схватившись за горящую щеку. Лицо брата исказилось горем и яростью, он открыл рот, но сказать ничего не успел. Сама не знаю, каким образом в моей руке оказался совок, которым мы выгребали золу из очага, словно сам прыгнул, как в кино. Я перехватила его поудобнее – увесистый, на длинной ручке.

– Еще одно слово в том же духе, и я сломаю эту чугунину об тебя.

Фил вытаращился так, словно у меня выросли рога, а за спиной развернулись черные кожистые крылья. «Девка слова поперек не скажет, тихая», – вспомнила я Джека. Ева в самом деле была тихой. Хоть и считала себя старшей, обязанной заботиться об остальных, но беспрекословно слушалась отца и брата. Да и с сестрами предпочитала не ссориться, сглаживая острые углы. Из тех, кто скорее расплачется, чем разозлится. Я, наверное, такая же.

Была такой же до тех пор, пока человек, к которому я пришла за советом как к другу семьи, посоветовал мне не беспокоиться. Банк заберет квартиру, продаст с аукциона, разницу между ценой и долгом отдадут мне, будет на что жить, пока учусь. Где жить? Да хоть у него. Не даром, конечно, по хозяйству пошуршать, ну и ночью пригреть, само собой. А на мои деньги он покушаться не будет, что он, зверь какой.

Я разбила о его голову бутылку дорогого коньяка, выставленную на стол «помянуть родителей». Потом сама не понимая, что на меня нашло, несколько недель тряслась, что он заявит в полицию. Обошлось. Но что-то все-таки сломалось внутри тогда. Наверное, поняла: рассчитывать можно только на себя, никто не поможет.

Сейчас внутри бушевала та же ярость, порожденная обидой. Уж от кого-кого, но от брата я такого не ожидала. Даже неинтересно было, как он догадался – Ева ведь никому не сказала, просто выскользнула из дома еще затемно.

Впрочем, догадаться нетрудно. «Встрепанная, с расцарапанным лицом, и губами, раскрасневшимися от поцелуев» – прозвучал в памяти бархатный баритон. Я стиснула зубы. Вот кого следовало бы отходить чугунным совком. Но Альбину-то я слова поперек сказать не осмелилась, а против брата расхрабрилась. При том, что Фил вовсе не был злодеем, просто он тоже прекрасно понимал: стоит девушке оступиться один раз, и ее утащат на дно. А заодно и сестер: если в семье выросла блудница, с чего остальным быть чистыми?

Но какие бы мотивы у него ни были, это не повод лупить того, кому еще хуже – а Еве, останься она жива, сейчас было бы куда хуже, чем брату. Даже если Альбин не врал, что расплатился бы, убедившись в ее невинности.

– Все было зря. Он не заплатил. – Уверенно и как-то обреченно сказал Фил.

– Это все, что тебя интересует?

Я попыталась поймать его взгляд. Тщетно. Брат ссутулился, будто на него навьючили пару мешков муки, а глаза его смотрели мне на шею.

– Нет. Еще – как людям в глаза смотреть.

– Людям?

Я снова начала закипать. Да, Ева сотворила непоправимую глупость, но она хотя бы попыталась! Попыталась хоть что-то сделать, кроме как твердить, что все в руках господ. А тот, ради кого она пошла на это, думает не о том, каково ей

теперь, а что люди скажут? Хотя в каком-то смысле он прав: это в современном городе можно запереться в квартире и плевать на всех. Здесь же от молвы никуда не деться. И все же – неужели Ева заслужила лишь такие слова от самого близкого человека?

– Не волнуйся. Через неделю этот вопрос утратит актуальность.

На его лице промелькнуло непонимание, я мысленно выругалась. Да, Ева говорила «как по-писаному», но не канцелярскими же оборотами прямиком из двадцать первого века другой реальности! Впрочем, контекста Филу хватило, чтобы понять. Он криво улыбнулся.

– Да, это точно. – А в следующий миг лицо его исказилось. То ли закричав, то ли взыв, брат развернулся и со всей силы саданул кулаком в стену. Снова замахнулся. Эхом ему отозвался встревоженный вскрик – кажется, Джулии.

Мне некогда было оглядываться и проверять, точно ли я узнала голос. Выронив совок, я бросилась к Филу, вцепилась в его плечи, оттаскивая от стены. Он поддался легко, словно эта вспышка отняла все силы, снова развернулся ко мне, обнял, прижав так, будто меня сейчас вырвет из его рук и унесет. Как он, оказывается, вымахал! Ева привыкла считать брата маленьким, да и с лица парня еще не совсем сошла детская мягкость, несмотря на пробившийся пушок. Но сейчас моя макушка была лишь немного выше его подбородка.

Фил ткнулся лицом в мои волосы, все еще не выпуская из объятий, затрясся, и я поняла, что он плачет. Тут же нас обоих обвили тонкие руки.

– Что-то еще случилось? – встревоженно прозвучал голосок Джулии.

Фил помотал головой – дескать, ничего.

– Прости. Я... – рыдание вырвалось из его горла. – Из-за меня... Я должен был... Должен был украсть, убить...

Джулия охнула, а он продолжал:

– Что угодно, лишь бы добыть эти проклятые... Лишь бы ты не...

– Хватит. – Еще немного, и я сама разревусь. Все-таки этот здоровый лось был еще мальчишкой. Просто мальчишкой, который не справился со свалившейся на него ношей. – Не вини себя. Ничего страшного не произошло.

Он горько и зло рассмеялся.

– Ничего не случилось, – повторила я, сама обнимая брата. – Меня никто не тронул.

– Но... – Фил шмыгнул носом – в самом деле, точно мальчишка. – Разве ты не к Альбину ходила?

– А откуда ты знаешь?

– Я сказала, – снова подала голос Джулия.

– Ты? – Я выпустила Фила, ошарашенно уставившись на нее. Они были очень похожи. Те же пепельные волосы, тонкие черты лица. Только Фил был сухощавым и жилистым, а фигура Джулии казалась пышноватой, хотя девочка не оформилась как следует. Может, вытянется еще. Хотя я меряю привычными мне мерками, а здесь, если она сохранит легкую полноту, то, повзрослев, будет считаться красавицей. Аристократы ценили хрупкость и бледность, крестьяне – пышную грудь и широкие бедра. Ева пошла в мать, и деревенские кумушки судачили: кто ж такую замуж возьмет, как тростинка, то и гляди переломится.

– Откуда ты-то знаешь?

– Ты молилась полночи, – Джулия потупилась. – Просила у господина прощения, и чтобы все получилось. Думала, что я сплю, а я... не смогла признаться, что все слышу. Я хотела утром тебе помешать, если сама не смогу, то сказать Филу, но проспала. – Она зарделась. Как и все белокожие, Джулия краснела стремительно и ярко, даже при не слишком хорошем освещении трактира было видно. – А когда проснулась, мы попытались тебя догнать, но пастух сказал, что ты прошла давно и...

Я покачала головой. Очень хотелось выругаться – что это за жизнь, человеку даже помолиться без свидетелей нельзя! Но пугать младших не стоило, и я

сказала только:

– Господь услышал мои молитвы и не дал погубить душу. У меня не хватило смелости довести дело до конца.

Глава 11

Джулия перекрестилась. Я отогнала размышления о том, как вера сумела здесь ужиться с магией. Со временем узнаю, если доживу.

– Прости меня. – Фил снова шмыгнул носом, опустив голову.

Я помедлила. С одной стороны, мне было его жаль, с другой – а что, если и я начну срывать на том, кто ближе? У меня тоже утро выдалось очень насыщенным. Брат, кажется, понял меня не так, потому что сглотнул и прикусил губу, еще ниже опустив голову. Я вздохнула: нужно было вовсе не иметь сердца, чтобы не простить. Молча обняла его, взъерошив волосы на затылке, и Фил крепко обнял меня в ответ, еще раз безмолвно извиняясь.

Джулия снова напомнила о себе.

– Но что теперь нам делать? Как спрятаться?

– Так. – Фил утер лицо рукавом, поднял голову, превратившись в сурового старшего брата. – Ты подслушивала?

Джулия снова залилась краской.

– Тот господин был таким... лицо вроде доброе, а глаза, как у снулой рыбы. Я испугалась, когда он заперся с сестрой. Я не хотела подслушивать, хотела знать, вдруг надо будет позвать на помощь!

– Кого позвать? – фыркнула я. – Чаек?

В тот вечер, когда Гильем угрожал Еве, Фил с Бланш были в деревне, на вечерней службе. Их мать очень любила именно вечерние молебны, и они переняли эту любовь. Ева была не слишком усердна в вере, да и должен же кто-то присматривать за трактиром, а Джулия осталась ей помогать. Так что позвать на помощь сестра в самом деле могла разве что чаек.

Она снова залилась краской.

- Я бы в деревню побежала. Я быстрая.

- Бланш разболтала о том, что услышала? - Все с той же деланной суровостью спросил брат.

Джулия замотала головой. Посмотрела жалобно.

- Что мы теперь будем делать? Мне страшно.

Так, кажется, пора вспомнить, кто здесь старший.

- Хватит, - твердо сказала я. - Бог не выдаст - свинья не съест. Для начала поедим, и никаких тревожных разговоров. Иначе буду очень ругаться.

Судя по улыбкам младших - так они и поверили в способность Евы ругаться. Ничего, скоро поверят: я все равно не смогу притворяться тихоней. Сделав вид, будто не заметила их переглядываний, я добавила:

- Бланш в огороде? Зовите.

Джулия побежала в кладовку, Фил последовал за ней: дверь на задний двор выходила из комнатки за кладовой. Там же была лестница, которая вела в наши комнаты на втором этаже: одна спальня для взрослых, вторая для детей. Правда, родители ночевали в своей спальне только когда болели или в те редкие ночи, когда в трактире не было гостей. Обычно они спали в кладовой, чтобы быть ближе к постояльцам и, если им что-то понадобится, услышать и быстро помочь. Сейчас я догадалась, что была еще одна причина - так они охраняли запасы, в конце концов, сдвинуть засов магией нетрудно. В гостевые комнаты лестница поднималась из обеденного зала, и постояльцы могли

спуститься в него, не потревожив хозяев.

Я задержалась в зале, чтобы разглядеть его своими глазами, не доверяя впечатлениям Евы. На первый взгляд трактир действительно выглядел чистым, если не считать ровного слоя копоти на потолке и стенах сантиметрах в тридцати под ним. Но этот равномерно-черный слой не выглядел грязью. Возможно, потому что копоть от побеленного отделяла довольно четкая линия, будто специально красили: горячий дым повисал под потолком, прежде чем устремиться в оконца, для него проделанные. На камнях стен отсутствовали пятна от еды и плесень, земляной пол выстилала чистая солома, столешницы были выскоблены добела.

Но стоило присмотреться повнимательней, и ощущение чистоты терялось. Вроде бы мелочи, но мелочи, которые портят впечатление разом и насовсем. Залапанные дверные ручки. Намертво въевшиеся жирные пятна на столах – там, где вечер за вечером ставили сальную свечу. И даже сейчас, при открытых окнах и двери, в носу свербело от запаха перегорелого жира, какой бывает у фритюрницы, масло в которой не менялось неделями. Что же тут делается вечерами, когда окна закрыты и полно гостей? Я скривилась при одной мысли.

С освещением нужно что-то решать. В книжках правильные попаданки начинают с варки мыла, а мне, похоже, придется начать со свечек. Там, где едят, должно пахнуть вкусной едой, а не горелым прогорклым жиром, иначе мне самой кусок в горло не полезет. И плевать, что здесь везде так, кроме разве что замков, которые наверняка освещаются какими-нибудь магическими шарами.

Еще меньше мне понравился нагар на котлах. Изнутри-то их тщательно мыли, это я помнила, а снаружи... Конечно, на вкус еды то, что пригорело к посуде снаружи, не влияет, и все-таки это никуда не годится. Для домохозяйки сошло бы и так, но если кухня открытая и все на виду, должно быть идеально чисто.

Но прежде всего нужно перебрать продукты. Память Евы подсказывала, что отец следил за их доброкачественностью, но, возможно, у нас с ним разные представления о качестве продуктов, так же, как о роскоши и чистоте. Мне доводилось слышать про грибок, живущий на злаках, из-за которого целые деревни, а иной раз и города накрывали эпидемии галлюцинаций и судорог. Не хотелось бы на собственной шкуре узнать, что это такое.

Я трянула головой и двинулась в кладовку. Сделаю. Все сделаю, только сперва спрячу младших у родни и найму охрану. А там разберусь и с продуктами, и со свечками, и со всем остальным, что я пока не заметила.

Фил выложил на стол лепешку хлеба. Корочка выглядела поджаристой, похожей на ржаную, но кое-где виднелись пятна золы. Я припомнила, как этот хлеб пекся: ячменная мука грубого помола, вместо дрожжей – пивная пена. Добавить воды, промесив и сформировав лепешки, обсыпать мукой, дать немного расстояться и положить в золу. Мука не позволяет ей прилипнуть к хлебу, но кое-где все же муки оказывается недостаточно.

Ладно, я не брезглива: в огне все микробы точно сдохнут, уголь полезен для пищеварения, да и кто ни разу не ел картошку из костра? Хуже, что такой хлеб поднимается через раз и вкусен только свежим. Надо завести закваску, по крайней мере, так можно будет более-менее стандартизировать количество дрожжей, а то в пиве оно зависит от того, как долго бродило сусло. Хорошо бы еще печь для нормального хлеба... Мечты, мечты...

Пока надо быстро придумать, чем сдобрить то, что есть. Ева привыкла к однообразной, почти пресной еде, но я-то не Ева. В смысле Ева, но не та. Я умею готовить дешево – с моими долгами на деликатесы не потратиться – но не умею день за днем жевать одно и то же, не замечая вкуса. И даже голодная я подумаю, как сделать вкуснее плотный тяжелый хлеб, который можно проглотить, только запивая элем – благо легким, не крепче нашего кваса. С сыром, конечно, будет лучше, но сыр, в смысле мягкий сыр, который лежит относительно недолго, как на грех, закончился. Остался только твердый, пока отрежешь – трижды вспотеешь. В прошлом году в деревне женщина убила мужа, ударив его по затылку головой такого сыра.

Порезать, что ли, хлеб на гренки да поджарить на решетке над углями, присыпав тертым сыром и зеленью? Зря я, что ли, черемшу собирала? Так очаг давно не разводили, пока дрова прогорят до углей, я точно кого-нибудь покусая. И терки нет. Плюс еще одна заметка в мысленную копилку: подумать, из чего здесь можно сделать терку. Бабушка в деревне протирала помидоры на сок через большую консервную банку, многожды продырявленную гвоздем, но здесь и жечь пока не придумали.

Так с чем же сделать хлеб? Я мысленно хлопнула себя по лбу и начала опустошать карманы. Хвойные побеги отложила пока в сторону, снова отправила

Бланш на огород велев нарвать петрушки, а сама сунулась на полку, за мешочком с прокаленной и очищенной лещиной. Ева приготовила орехи, намереваясь проварить их с медом, чтобы побаловать отца, когда тот снова сможет есть. Не пригодилось. Я отогнала эту горькую мысль. Бесполезно оглядываться, винить покойника или думать, что было бы, сложились все по-другому. Надо жить дальше и справляться самим.

Я попросила Фила полить на руки, ополоснула ступку, вымыла зелень.

- Что ты собираешься делать? - поинтересовался брат. Он уже выставил на стол кувшин с элем и разломил лепешки. - Если собиралась кухарить, не надо было звать всех есть.

- Сейчас и будем есть. - Я начала перетирать орехи в ступке. - Можете помолиться пока, я быстро.

- А ты?

- И я. Работают-то руки, душа свободная. - Не говорить же им, что в мое время молиться перед едой не принято.

Фил моргнул, озадаченный, но спорить не стал. На какое-то время повисла тишина, прерываемая лишь скрежетом пестика. К орехам пошла петрушка, черемша, пара гранул соли - солили тут куда меньше, чем привыкла я, но память Евы помогла в который раз. Жаль, базилик в эти края еще, кажется, не завезли, по крайней мере, в воспоминаниях Евы я не нашла ни намека на него. И, на будущее, надо что-то придумать с растительным маслом: подсолнечника нет, оливковое привозят только для церкви. Льняное? Горчичное? Там видно будет.

Ладно, пусть то, что у меня получилось сейчас - не настоящее песто, но это можно намазать на хлеб и будет вкусно. А если все-таки справиться с сыром и прибавить его к этой смеси, можно и в макароны... в смысле, в домашнюю лапшу.

Я отогнала соблазнительное видение. Не говори «гоп»: среди кухонной утвари я не нашла множества привычных мелочей. Ничего, если у меня будет время - появится и все остальное.

подавая пример младшим, я зачерпнула соус куском лепешки и едва не проглотила все целиком, не жуя. До сих пор я сама толком не понимала, насколько была голодна. Младшие пробовали осторожно, но вскоре на их лицах любопытство и подозрительность сменились удовольствием.

– Вкусно, – заметил Фил, намазывая еще один кусок. – Раньше ты такого не готовила. Кто научил?

Так, а вот об этом я не подумала. И откуда, спрашивается, на меня снизошло кулинарное озарение?

– Неподалеку от замка я встретила паломника, – начала вдохновенно сочинять я. – До деревни мы шли вместе, и он рассказал, что язычники едят совершенно не так, как мы, и показал эту траву. Своеобразный вкус, мне понравилось, ну, и... – Я пожала плечами. – Он много рассказал, и, думаю, я еще попробую приготовить что-нибудь новенькое и вкусное.

Интересно, надолго хватит этой легенды, или вымышленные паломники теперь пойдут через деревню косяками? Нет, не получится. Фил необразован, но не глуп.

– Если будет кому готовить, – мрачно заметил он.

В самом деле, стоит решать проблемы по мере поступления. И для начала решить, стоит ли рассказывать все самой младшей сестре. Остальные, похоже, подумали то же самое, потому что Джулия укоризненно уставилась на брата, а тот мазнул виноватым взглядом по ней, потом – по Бланш, младшей, и вперился в стол.

Бланш подперла подбородок кулаком. Выглядела она сущим ангелочком: круглое личико, золотистые волосы, голубые глаза. Вот только у этого ангелочка уже сейчас на все было свое мнение, и если при родителях она еще сдерживалась, то брату и сестрам не стеснялась его высказывать. Ей сходило это с рук: свои обязанности по дому и в огороде младшенькая выполняла безукоризненно, да и от других поручений не отлынивала, правда, если считала их глупыми, ворчала все время, пока работала.

Вот и сейчас она сказала:

– Чего переглядываетесь так? Я все знаю. Батюшка наделал долгов, и если мы не найдем способ их вернуть, нас продадут язычникам. У меня есть немного денег, если это поможет.

Глава 12

– Да можно ли в этом доме хоть что-то сохранить в тайне? – воскликнула я.

Фил грозно посмотрел на сестру, но малявка ответила ему спокойным ясным взглядом.

– Я не собиралась подслушивать, но после того, как Ева сказала: «Только не говори младшим» – должна была узнать. Вдруг вы скрываете что-то важное.

– И как, легче стало? – поинтересовалась я.

– Нет. Но лучше знать, чем не знать. Только я так ничего и не смогла придумать.

– Я хочу отправить вас к дяде... – Я помедлила, выуживая из памяти имя.

– К дяде Эйну? – Фил нахмурился. – Они не слишком ладили с мамой. Помню, дядя как-то упрекал, что, выйдя замуж за богатого, она задрала нос и ни во что не ставит родичей.

Задрала нос? Ева помнила женщину, одинаково ласковую и с падчерицей, и с собственными детьми. С другой стороны, натянутые отношения Имоджин с родней объясняют, почему за три года после ее смерти дядя ни разу не собрался проведать племянников. Да и отец в те редкие случаи, когда, выбираясь в город, брал с собой Еву, предпочитал ночевать на постоянных дворах, а не у жениной родни. Ева как-то спросила об этом, но отец только улыбнулся и сказал, дескать, надо же посмотреть, как в городе дела ведут. Может, и перенять чего. Она поверила, она вообще была доверчивой.

– Больше некуда. Вам нужно место, чтобы пересидеть опасность. Если дядя начнет беспокоиться, что вы его объедите, я заплачу.

– У меня есть чем заплатить. – отрезал Фил. – Нам нужно пересидеть? А тебе?

– А я ему никто, но это не главное. Я не собираюсь отдавать на поругание чужим свой дом. Родители положили жизнь, чтобы этот трактир процветал.

Не мои родители, конечно, но сейчас это почему-то казалось неважным. Слишком много труда и сил осталось здесь, а теперь какой-то гад, возомнивший себя божком, придет и все разрушит? Заставит нас жить в людях? Голодать? Здесь не так просто найти работу, иначе не развелось бы столько нищих, чтобы король повелел их просто вешать. Хотя о социальной политике здесь, конечно, слухом не слыхивали...

– Лучше бы он не был делом их жизни, – все так же мрачно заметил Фил. – Может, если бы батюшка, поняв, что честно денег не заработаешь, остановился, мы бы сейчас не были в такой... – Он осекся. Отец, как-то услышав от пасынка крепкое словцо, дал по губам, и этого единственного урока хватило, чтобы Фил перестал выражаться. По крайней мере, при младших девочках.

– Без толку сожалеть о том, что могло бы быть, – отрезала я. – Сегодня уже поздно выходить, но завтра с утра мы все отправимся в город. Вы останетесь у дяди, а я постараюсь нанять в трактир охранников.

У Фила отвисла челюсть.

– Но кто согласится... Это же не буйных постояльцев утихомиривать!

С буйными постояльцами отец прекрасно справлялся без всяких охранников. Комплекцией он напоминал медведя, а уж если брал в руки топорик для мяса, только совсем уж залившие глаза осмеливались с ним спорить.

– Наемники согласятся. Те, кто продает свое умение сражаться.

Теперь на лице брата появился почти суеверный ужас. Конечно, ни один мужчина не выйдет из дома без ножа, но наемники – отдельная каста.

Беспринципные и опасные люди.

- Тебя обманут. Наемники верны лишь тому, кто больше платит. Гильему даже не придется драться – просто предложит больше, чем можешь дать ты.

- Теоретически такое возможно, – согласилась я, и брови Фила снова взлетели на лоб. Мысленно я махнула на это рукой. Не до того сейчас. Завтра младшие останутся у родственника, а когда вернутся, можно будет сказать, что я нахваталась ученых словечек у наемников. Маги – люди образованные, даже если зарабатывают вовсе не умом. – Но тогда вся эта история для Гильема окажется слишком дорогой. За четверых рабов много не выручить, вычти трату на еду и подкуп наемников.

- Откуда ты знаешь, сколько стоят рабы?

- Я понятия не имею, сколько они стоят, но если бы дешевле было нанять работника или заплатить гулящей девке, чем покупать и кормить невольника, никто бы не стал покупать людей.

Фил сдвинул брови, обдумывая мои слова.

- Если дело лишь в деньгах, дешевле зафиксировать потери и забыть, – продолжала я.

- А если он из тех, кому нужно непременно проучить? Чтобы другим неповадно было?

- Кому другим? – Я подумала, не стоит ли смягчить, но решила говорить, как есть, – Мы слишком ничтожны для показательного урока. Хвастать, что одолел двух детей, парня, еще не начавшего женихаться, и девушку? Да его свои же на смех поднимут! Были бы мы благородными, был бы родичам других благородных урок, а так...

- Ты-то из благородных, – не унимался брат.

- О, да. Людям, которые отреклись от собственной дочери, будет какое-то дело до того, что случилось с ее выродком. Да они плясать от счастья станут, что

напоминание о том позоре стерли с лица земли!

Фил подпер кулаком подбородок, точно так же, как Бланш.

– И все равно тебя обманут. В лучшем случае отберут деньги, а то еще и надругаются.

– И так может быть, – снова не стала спорить я. – Поэтому сегодня я зайду к священнику и спрошу, не посоветует ли он мне кого-нибудь в сопровождающие. Или, возможно, у него есть знакомые в Бернхеме, кто мог бы помочь.

– Не посоветует, – брат помрачнел. – И не поможет. Я ходил к нему исповедоваться. Грешным делом думал, может, покончить со всем разом. Я-то ладно, а вы...

Джулия, охнув, тихонько погладила его по плечу. Фил грустно улыбнулся, на миг сжав ее руку, и снова обернулся ко мне.

– Он сказал, что господь не посылает испытаний больше, чем мы можем вынести.

Я кивнула. Что еще мог сказать священник?

– Я спросил его, не мог бы он нас укрыть. В церкви или у себя в доме. Каким бы мерзавцем не был Гильем, он не посмеет обидеть священника, а мы бы отработали.

Вот в том, что Гильем не посмеет обидеть священника, я очень сомневалась, но решила промолчать. Может, я слишком цинично смотрю на вещи.

– Или, может, дать рекомендацию в монастырь. В смысле, женский. Я-то ладно... Наверняка где-то нужны послушницы, умеющие работать. – Фил сжал кулаки. – Он отказался. Повторил про испытания и добавил, что грехи отцов падут на невинных. Дескать, твой батюшка пошел против законов божеских и человеческих, приведя третью жену...

Я проглотила ругательство. Не при девочках.

– Я не удержался и напомнил ему про господу и грешницу...

Фил читал писание? Откуда? В доме не было ни одной книги!

– ...сам же он месяц назад говорил на проповеди. – Брат горько усмехнулся. – Словом, меня выставили, и не думаю, что тебе стоит идти туда за советом.

Хорошо, что я вслух не обвинила Фила в бездействии. Он тоже искал выход. Искал и не нашел. А ему, казалось, надо было выговориться.

– Тогда я пошел просить справедливости у лорда. – Брат пожал плечами. – Конечно же, меня никто не пустил. С прошениями дозволено приходить раз в месяц.

– А... Альбин? – Имя снова обожгло. Пора бы и забыть.

– К нему я не ходил. Он отказался помочь, когда батюшка умолял спасти маму, так с чего бы согласился сейчас?

Я кивнула. В самом деле, с чего бы.

В голосе брата было столько горечи, что я потянулась погладить его по руке, успокаивая. В глаза бросились сбитые в кровь опухшие костяшки. Хорошо, что ничего себе не сломал. Как закончим разговор, надо бы обмыть их и перевязать. Если воспалится, как мой ожог, парень останется без руки. Антибиотиков-то тут нет, да и зеленки с йодом. Хотя, кажется, йод можно выжечь из водорослей. Когда выдастся спокойная минута, надо подумать. Химию я помнила неплохо.

– Тебя обманут или обидят, – снова начал Фил, но прежде, чем я его оборвала, добавил: – Поэтому я пойду с тобой. Сперва мы пристроим девочек к дяде, потом я схожу с тобой... где там нанимают таких людей?

Я растерялась. Представления не имею. Альбин сказал «в Бернхеме», но это все равно, что, скажем, «в Караганде». Где именно? На рынке? В каком-то из трактиров? В темной подворотне?

– Так я и думал, – хмыкнул брат. – Ничего, разберемся. Поспрашиваю, кто-нибудь да подскажет. И потом вместе вернемся домой. Нечего тебе оставаться одной с этими людьми.

Я покачала головой. Как будто Фил что-нибудь сможет противопоставить вооруженным мужчинам, еще и магам. Встрянет – сгинет ни за грош. Но об этом я поговорю с ним позже, наедине, чтобы не пытался хорохориться при девочках. Надавлю на то, что я взрослая, а они останутся у едва знакомых родственников. Сколько раз бывало, что люди брали в дом сирот лишь в качестве дешевой рабочей силы? Вот пусть брат и присмотрит за девочками. А наемники... Моя идея – мне и расхлебывать проблемы, если что.

– А мы? – вскинулась Джулия. – Нас никто не спросил, хотим ли мы жить у дяди?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

. » slattern (устар.) – девушка легкого поведения, fool – дурак (дура).

2

. от albus (лат.) – белый

3

. Каждый год присуждается тем, кто наиболее глупо ушел из жизни, не оставив детей, или лишился возможности их иметь.

4

. Порядок наследования, при котором все имущество получает старший в роду

5

. Османская империя

6

. наложница, а затем супруга османского султана Сулеймана Великолепного

7

. приказчик

8

. маленькие окошки, закрывающиеся задвигающейся доской

Купить: https://tellnovel.com/ru/shneyder_natal-ya/desert-dlya-gercoga

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)